

Страсть и Приличия

Благородные сердца: Книга Один

Элизе де Сальве

переводчик Мальцева Елена

Элис де Салье

Страсть и приличия.

Благородные сердца: Книга один

«Издательские решения»

де Салье Э.

Страсть и приличия. Благородные сердца: Книга один / Э. де Салье — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506805-7

Не было абсолютно ничего предосудительного в том, что старая дева, дочь викария Хартли, взялась лечить тяжелораненого виконта Блекторна. Ханна была слишком благоразумной, чтобы вспылать чувствами к человеку богатства и положения лорда Блекторна... к человеку, преисполненному решимости разрушить проклятие, на протяжении нескольких поколений преследовавшего его семью и угрожавшего полному вымиранию рода.

ISBN 978-5-00-506805-7

© де Салье Э.
© Издательские решения

Содержание

Посвящается	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	43
Глава 10	50
Глава 11	56
Глава 12	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Страсть и приличия Благородные сердца: Книга один

Элис де Салье

Переводчик Елена Мальцева

© Элис де Салье, 2019

© Елена Мальцева, перевод, 2019

ISBN 978-5-0050-6805-7 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-6806-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается

Моей замечательной дочери, чей творческий талант заставляет меня оставаться в тени. Ее поддержка, предложения, закатывания глаз и смех сделали эту историю для меня неоценимым опытом в письме и огромным удовольствием в процессе создания произведения. Извините за откровения!

Глава 1

Привлеченный

Давно не появлявшийся в этих местах виконт Блекторн когда-то поклялся и шагу не ступить в деревенскую церковь Хартли. Там он выслушал так много адских, проклинающих все и вся, проповедей, что хватило бы на целую жизнь; Уильям Блекторн достиг своего предела к десяти годам. Другое место, которое он решил избегать любой ценой, сейчас было целью его путешествия – поместье Блекторн. Каменное здание с чудовищными парапетами, кишащими фигурами горгулий и грозно нависающими башнями, контролировало жизнь в деревне со своего «постамент» – находившегося на отдаленном холме, словно страж судьбы. Не торопясь приблизиться к мрачным воротам, Уильям повернулся спиной к дому своего детства, и его взгляд натолкнулся на другое строение, никогда не покидавшее его ночных кошмаров.

Звук женского контральто, раздающийся в унисон с переливами органа из краснокирпичной часовни, привлек внимание Уильяма, заставив нахмуриться. Он отчетливо помнил, что несколько лет назад заплатил целое состояние за реконструкцию этого святилища, не говоря уж об оплате ежегодного огромного счета на обслуживание. Однако, здание выглядело по-прежнему ветхим, остро нуждающемся в ремонте.

Озадаченный, он был готов нарушить свое обещание – не прикасаться к двери этой часовни, но сейчас его голову занимали совершенно другие вопросы. С истечением времени, почти десятилетия, он перестал бояться гнетущих проповедей, преследовавших его все детство. Кроме того, помогало понимание, что жуткий преподобный давно мертв, а нынешний викарий, один из членов местного дворянства, всегда относился к нему, еще мальчику, с добротой.

Всплыли приятные, но почти забытые воспоминания о викарии, в то время служившем младшим пастором, разрешавшем ему играть со старшей из трех его дочерей. Золотоволосая девочка с огромной заинтересованностью в серьезном мальчике, управляющем практически всей их жизнью, приняла его в круг своих игр. Она была немногим старше его и позволяла себе командовать. Он же был готов простить ей эту вольность, потому что, в отличие от любой другой девочки его сословия, она не отвергала его намеренно.

Положение и богатство, полученные им по наследству, ничего не значили из-за распространившихся повсюду слухов о семейном проклятии, что любая близкая связь с ним, а также брак приведут к неминуемой гибели. Великодушию викария, несомненно, способствовало осознание, что его дочь занимает гораздо более низкое положение в обществе, а это защищало ее от потенциального интереса будущего виконта. Несмотря на это, Уильям ценил такое для него редкое чувство принятия.

Намек на улыбку тронул его губы, когда он вспомнил такой ценный подарок этой семьи – дружбу, – укрепляя решение войти в неприятное для него помещение. Теперь это уже не имело никакого значения. После того как он навестит на кладбище рядом с церковью могилу неоплаканного отца – причина, по которой он свернул с прямой дороги, – ему оставалось только добраться до семейного дома на холме и... *умереть*.

Рана на левой руке, вне всякого сомнения, была смертельной. Армейский хирург оставался непреклонным, считая, что единственной надеждой на выживание была бы ампутация, но Уильям отказался. Смерть на поле боя виделась долгожданным завершением его военной карьеры, но частичное уничтожение личности оказалось большим мучением, чем виконт мог вынести. У него уже имелся ужасный шрам на правой стороне лица после встречи с мечом француза. Ранение ноги от выстрела из мушкета он лечил на протяжении шести месяцев, однако незаживающая рана продолжала постоянно напоминать о себе. Чудо, что ему удалось

продержаться живым так долго, и сейчас, понимая, что конец близок, Уильям почувствовал необходимость вернуться в поместье Блекторн. Его смерть положила бы конец проклятию, которое на протяжении нескольких поколений изводило всю семью. Казалось, это место больше чем какое-либо подходило для того, чтобы весь ужас закончился именно там, где он начался.

Двигаясь на удивление незаметно для такого большого человека, к тому же страдающего лихорадкой и хромотой, Уильям пробрался к пустующей скамье в задней части часовни. Опасаясь привлечь внимание, он душил стоны, опускаясь на скамью. Наконец, отдышавшись, Уильям с удовольствием сосредоточил взгляд на женщине с приятным голосом. Она сидела за старым органом, и с этого ракурса ее вид был столь же пленителен, как и пение. Завитки, выбивающиеся из-под чепца, имели светло-каштановый оттенок или, возможно, золотисто-русый. При тусклом освещении часовни от нескольких зажженных свечей сложно было понять. В ее профиле вырисовывался прямой королевский нос и упрямый подбородок. Искра мимолетного узнавания заставила задуматься: может ли эта женщина быть той подружкой из детства, о которой он совсем недавно вспоминал. *Анна? Хелен?*

Если он был прав в своем предположении, то выглядела она удивительно стройно для женщины двадцати семи – двадцати восьми лет. Ведь она, вероятно, родила кучу детей. И несмотря на то, что одета она была достаточно скромно, как и подобает дочери викария, Уильям нашел ее очень привлекательной. Он не планировал ухаживать за ней, даже если бы она не была замужем, а он не находился при смерти. Давно привыкший подавлять любую заинтересованность к представительницам противоположного пола, он сосредоточился на том, что изначально привлекло его – умелой игре на органе и прекрасном голосе.

Игнорируя слова песнопения, послания об искуплении и вознаграждении, не имеющих для него абсолютно никакого значения, он позволил своим мыслям дрейфовать вслед за мелодией. Это единственное, что он мог сейчас делать, потому что усилившаяся лихорадка отняла способность думать согласованно. Несмотря на физический дискомфорт, успокаивающие ноты дарили ему крупницы спокойствия, мира, которого он не знал со времен битвы за Арапилы на португальском полуострове.

Несмотря на то, что виконт Блекторн находился в центре жестоких военных действий, армейская жизнь нравилась ему. Годы его службы были целенаправленными, а потому и плодотворными: он достиг звания капитана по заслугам, а не благодаря покровительству и протекции. В будущем он планировал остаться военным, где его характер и достижения ценились больше, чем несчастье наследия. При его титуле такое встречалось нечасто. Военная карьера, как правило, занимала второе, а то и третье место. Те, кто унаследовал высокие титулы и огромные поместья, старались не подвергать себя такому риску. Они занимались управлением владениями, рожали наследников для продолжения своего рода.

Что касается Уильяма, то крови, текущей по его венам, в самом лучшем случае следовало быть оставленной на поле битвы.

Наконец песнопение завершилось на высокой ноте. Он открыл глаза, чтобы взглянуть на органистку, и поймал ее хмурый, искаженный несколькими морщинками прекрасный лоб, взгляд. Уильям ответил ей тем же, и женщина отвернулась к инструменту, чтобы скрыть намек на появившийся на щеках румянец. Уильям не назвал бы ее красивой – слишком резкие черты лица, чересчур решительный подбородок, – но в ней было что-то приятное для глаз. Поскольку, вероятнее всего, она была последней леди, на которую виконт смотрел в этой жизни, он позволил себе залюбоваться, даже несмотря на то, что она мудро решила избежать созерцания его менее привлекательного облика.

Уильям поднял руку, чтобы провести пальцами по шраму, украшавшему его щеку, и задел пряди неопрятных волос и давно не стриженую бороду. Уголок его рта дернулся. Неуди-

вительно, что бедная женщина косо смотрела на него, должно быть, сейчас он больше походил на зверя, нежели на человека.

Викарий, за десятилетие с поредевшими волосами, занял свое место за кафедрой, и Уильям сосредоточил на нем внимание. Он позволил красноречию преподобного проникнуть в свои мысли. Слова о боге, о любви, об обещании наполненного радостью будущего заставляли вздрагивать прикрытые веки виконта. Несмотря на сомнения, что приближающаяся встреча с Всевышним будет приятным делом, Уильям не мог удержаться от слабой надежды, что смерть может принести некоторое облегчение от его страданий.

Проповедь подошла к концу, и Уильям оперся о край скамьи, помогая себе встать на ноги. Тяжело дыша, он в последний раз взглянул на старшую дочь викария – да, теперь он был уверен, что это именно она сидела, выпрямившись возле органа. Он надеялся, что жизнь обошлась с ней хорошо: она счастлива, а ее муж порядочный человек. В любом случае, сейчас он не мог сделать ничего благословенного, но ему нравилась идея, что она вознаграждена судьбой за то, что когда-то проявила по отношению к одинокому мальчику неожиданную доброту, и сейчас дала умирающему человеку удовольствие слушать ее прекрасный голос.

Глава 2

Обнаруженный

Почтительная старшая дочь викария Хартли не могла избавиться от ощущения, что за ней наблюдают. Ханна Фостер не стремилась привлечь внимание местного общества, довольствуясь тем, что позволяла другим быть в центре внимания. Поэтому ощущение пары глаз, направленных в спину между лопатками, было довольно непривычным.

Сделав последний аккорд песнопения, Ханна позволила себе бросить краткий взгляд в сторону тревожного чувства. Ожидая увидеть пустоту – доказательство своей глупости, – она испугалась при виде незнакомого в Хартли офицера, полулежа расположившегося на краю резной скамьи. Мужчина был довольно крупным с широкими, обтянутыми шинелью плечами, это было заметно, несмотря на то, что он сидел, сильно сгорбившись. Пальцы Ханны соскользнули с клавиш органа, и глаза офицера открылись. Его взгляд почти сразу нашел ее, в нем блеснула искра узнавания. И почти сразу темные глаза прикрылись, брови сошлись к переносице.

Смущенная тем, что ее застали врасплох, Ханна почувствовала, как щеки окатило нехарактерным для нее горящим румянцем, и она тут же повернулась обратно к органу. В мужчине было что-то знакомое, но не может быть, чтобы она забыла такого заметного высокого офицера. Однако она не могла избавиться от ощущения, что знала этого человека.

подавив вздох, Ханна признала, что именно было виновато в ее странном юморе. Она очень долго боялась приближения этого дня, доказывающего, что пришел конец ее девичьим мечтаниям. С наступлением ее двадцать седьмого дня рождения надежда, которую она питала на протяжении многих лет о муже, детях, о собственной семье умерла в бездыханном унынии.

Напомнив себе, что жизнь по-прежнему имеет цель – не ту, конечно, к которой она стремилась, – Ханна сосредоточилась на проповеди своего отца. Заранее готовясь к этому далеко нерадостному дню, он перефразировал слова из Иеремии:

«Божьи помыслы к нам от добра, а не от зла. Его план состоит в том, чтобы дать нам благословенный конец – приятный, обнадеживающий и полезный конец».

Ханна прекрасно была осведомлена, что в точной формулировке присутствовало только слово «ожидаемый конец». Высоко оценивая попытку отца обнадежить ее, она все же считала, что оригинальный перевод более уместен. Как дворяне, так и простолюдины давно знали, что старшая дочь викария закончит свои дни девицей.

По окончании службы Ханна с облегчением обнаружила, что скамья в конце часовни пуста, и незнакомца нигде не видно. Какой бы ни была причина появления этого лохматого человека в Хартли, ее это не беспокоило, и она подавила в себе необъяснимое желание поискать его среди редющей толпы.

Исполняя свои обязанности, девушка нашла отвлечение в беседе с верующими. Она обратилась к лорду и леди Уэсткотт, самым высоко титулованным прихожанам ее отца, и уделила им пристальное внимание, чтобы они не чувствовали себя ущемленными. Пожилую вдову, леди Мостин, чей сын барон был переполнен собственной важности от того, что навещал больную мать, требовалось приласкать словами, чтобы успокоить ее разочарование. Мисс Лэдлоу, чересчур взволнованная полученным приглашением посетить ее богатых тетю и дядю в Бате, засияла, когда Ханна поздравила ее с удачей. Если все продолжится в том же благоприятном ключе, она даже сможет найти себе мужа.

Мистер Кроули, одиозный управляющий поместьем Блекторн, требовал очень осторожного обращения. Несмотря на то, что он не занимал высокого положения, он был одним из самых влиятельных людей в этом округе, поскольку контролировал финансовые ресурсы, большая часть которых составляла заработную плату жителей, включая отца Ханны. Его сопро-

вождал еще более неприятный тип, мистер Тробриндж, владелец скромного поместья на окраине Блекторна. Несмотря на положение и тот факт, что отец задолжал ему значительную сумму денег, его интерес к младшей сестре Ханны, Рэйчел, был совершенно нежелателен. Этому дородному мужчине было вдвое больше лет, чем девушке, на которую он претендовал, кроме того, у него была репутация развратника. В его власти было отправить викария в тюрьму, стоило только отозвать кредит, поэтому Фостеры не могли себе позволить напрямую оскорбить мистера Тробринджа.

У Ханны хоть и не было желания, чтобы кто-то из ее младших сестер имел такую же судьбу, как у нее – одиночество, – она все же не хотела приносить их счастье в жертву практической выгоде. Если бы ужасный мистер Тробриндж обратил свой взор на нее, она, скорее всего, приняла бы его предложение, потому что непривлекательный муж – это гораздо лучше, чем вообще никакой.

Успокоение, что отец был бы защищен от бедности, а у сестер появилось бы хоть сколь-нибудь скромное приданное, с лихвой покрыло бы любые ее унижения. Но, к сожалению, мистер Тробриндж не проявлял никакого интереса к Ханне. Более того, этому отвратительному джентльмену пришлось не по вкусу и средняя сестра, двадцатилетняя Наоми, так как собственное мнение своенравной девушки перевешивало любые миловидные чары. Нет, интерес не так давно овдовевшего мистера Тробринджа был сосредоточен только на Рэйчел – трофее, на который он никогда не имел бы права претендовать, если бы Ханна имела право голоса в этом вопросе.

Намеренно вовлекая мистера Тробринджа и мистера Кроули в разговор, Ханна делала все возможное, желая отвлечь их и позволить Рэйчел скрыться. Оставалось надеяться, что легкомысленная девушка отправится напрямиком к дому викария, как и было оговорено заранее, а не позволит себе отвлечься на посторонние вопросы.

Одарив вниманием большую часть высшего общества, Ханна направилась к остальным прихожанам, более низкого сословия, многих из которых она считала своими друзьями. Любимым занятием по утрам был обмен рецептами с миссис Дэрроу, кухаркой леди Уэсткотт. Полная женщина пекла превосходные булочки, но она с готовностью признавала, что выпечка Ханны более нежная.

После обеда и скромного празднования дня рождения – именно так она пожелала, – Ханна оставила своих сестер проводить время за неторопливыми занятиями. Отец в это время уже крепко спал в своем любимом кресле для чтения. Надев чепец, она спустилась по протоптанной дорожке к кладбищу, находящемуся в поле неподалеку от церкви.

– Сегодня прекрасный день, мама, – пробормотала она, преклонив колени у могилы и выдергивая сорняки, которые успели вырасти за неделю после ее последнего визита сюда. – Сегодня мой день рождения, и мы обе знаем, что это значит.

Сидя на земле с разложенными по кругу юбками, Ханна вздохнула. Все, чего ей когда-либо хотелось, это быть женой и матерью. Теперь, если отец соберется уйти на тот свет прежде, чем хотя бы одна из дочерей выйдет замуж, – и это при условии, если муж согласится обеспечивать сестер жены, – все три девушки останутся без гроша и без защиты. Но найти щедрых и терпимых мужей для Наоми и Рэйчел оказалось не так просто.

Многие верили, что проклятие, разрушившее жизнь нескольким поколениям Блекторнов, в последние годы распространилось на весь округ, в результате чего многие семьи покинули свои земли и переехали в более благоприятные, процветающие места. Немногочисленные подходящие джентльмены, любезно принимаемые младшими дочерьми викария Хартли, тем не менее, выбирали девушек из более солидных семей – девушек с *приданым* – когда дело доходило до супружества.

Пытаясь улучшить настроение, Ханна подняла лицо к бледному весеннему солнцу. Какое-то движение в стороне привлекло ее внимание, и, взглянув на неподалеку растущие

деревья, она увидела большую коричневую лошадь, почти скрытую в листве. Отряхнув с рук землю, девушка встала и медленно подошла к животному.

– Привет, мальчик, – пробормотала она, погладив ладонью его лоб. Можно было предположить, что лошадь сбежала с воскресной охоты, оставив своего всадника с позором возвращаться домой пешком. Но, вместо того чтобы найти зацепившиеся за куст поводья, она с удивлением обнаружила, что они крепко привязаны к ветви дерева.

– Где твой наездник? Охотится за трюфелями? – Губы Ханна дрогнули в улыбке, стоило ей представить, что владелец такого гордого животного копается где-то в земле.

Лошадь оттолкнула руку девушки, и та погладила ее бархатистую морду. Среди дубов никого не было видно, Ханна посмотрела в сторону кладбища. Заметив фигуру человека, сидящего на надгробии – всадника лошади, – она задалась вопросом, кто бы это мог быть. У нее не было намерения беспокоить его, но поняв, что он неподвижен уже на протяжении нескольких минут, девушка встревожилась. Сделав пару шагов в направлении человека, она оторопела. Это был он, тот перепачканный офицер, расположившийся в конце часовни во время службы. И сейчас, казалось, он не сидел, а, похоже, лежал. Ханна подняла юбки и побежала по траве, но ее шаги замедлились, стоило ей заметить, на какое именно надгробие облокотился мужчина. Этот камень принадлежал последнему скончавшемуся виконту из рода Блекторнов.

– Уильям?

Веки офицера дрогнули, открывая темные, затуманенные болью глаза. Опустившись на колени рядом, девушка прикоснулась пальцами к его лбу и не удивилась, почувствовав, что он горит в лихорадке.

– Не волнуйтесь. Я помогу вам.

Сострадание и забота охватили Ханну, когда ее подозрения привели к неизбежному выводу. Израненный и тяжело больной офицер был никем иным, как ее другом детства, Уильямом.

Шестой виконт Блекторн, наконец, вернулся домой.

Глава 3

Возвращение

– Папа, девочки, идите скорее. – Ханна пробежала по дому, останавливаясь только для того чтобы собрать сумку, которую она использовала, навещая прихожан отца.

– Что такое? Что случилось?

Отец стремительно прошел на кухню, где Ханна быстро укладывала необходимое из набора своих травяных настоек и отваров.

– Уильям Блекторн изнемогает на могиле своего отца.

– *Виконт* Блекторн? – переспросила Наоми из-за дверного проема. – Через столько лет?

– Хромой офицер?

Ханна кивнула отцу, а потом повернулась к Рэйчел.

– Беги в амбар и попроси мистера Дженкинса приготовить его повозку. Скажи, чтобы он как можно быстрее приехал на кладбище и привел с собой сыновей. Нам понадобится помощь, чтобы поднять виконта.

Не задавая лишних вопросов, Рэйчел потянулась за чепцом, который висел на крючке в прихожей.

– Как только убедишься, что он отправился в путь, найди Грейс, – добавила Ханна. – Она, скорее всего, помогает Салли с ее беременем.

Рэйчел замешкалась у двери.

– Салли? – Отдавая предпочтение выдуманым историям взамен общению с менее прозаическими реальными жителями деревни, младшая дочь викария имела тенденцию забывать имена соседей.

– Салли Мартин, жена кузнеца. Ее малышка немного «запаздывает». Скажи Грейс, что она срочно нужна в поместье.

Грейс, ближайшая подруга Ханны, была изгнана из единственного дома, который знала, после смерти отца лорда Кромли. Его жене было в тягость воспитание внебрачного ребенка мужа рядом с законными детьми. И, конечно, она избавилась от девочки при первой же возможности. Отвергнутая обществом, в котором воспитывалась, Грейс поселилась у своей пожилой тетки в деревне, акушерки и травницы, обучилась ее ремеслу, и теперь помогала жителям всего округа вместо нее.

Отец взял Ханну за руку, его лицо выражало беспокойство.

– Не должны ли мы послать за доктором в Торнтон?

– Должны? – Если доктора за отдельную плату и удастся заманить в деревню, вряд ли он будет трезв, когда приедет, даже в это раннее время суток. – Грейс принесет Уильяму – я имею в виду *виконту* – гораздо больше пользы, чем доктор Купер.

– Наверное, ты права, – ее отец вздохнул. – Мистер Кроули может настаивать на вызове врача, но я посоветую ему послать в город за кем-нибудь, заслуживающим большего доверия.

– Этот дьявол сделает то, что ему будет выгодно, – пробормотала Наоми, получив осуждающий взгляд отца, хоть он и не собирался спорить с ней. – Чем я могу помочь?

Ханна бросила на свою более здравомыслящую сестру оценивающий взгляд.

– Можешь собрать мой чемодан и убедиться, что он попадет в повозку, потому что я не представляю, как донесу его до поместья.

– Ты планируешь остаться с виконтом? – поинтересовался отец, проходя вслед за Ханной через дверь и надевая по пути пальто.

– Мистер и миссис Поттс не смогут сами позаботиться о нем, а Грейс слишком занята, чтобы сидеть у кровати больного. – Ханна решила не добавлять, что ее подруге не следует

пренебрегать другими многими пациентами только лишь потому, что лорд Блекторн выше их по статусу.

– Не уверен, что буду чувствовать себя комфортно, в то время как моя дочь ухаживает за молодым джентльменом, – викарий покачал головой, быстро шагая по тропинке к кладбищу.

– Кто же еще, папа? У меня есть опыт ухода за больными, и мне не нужно заботиться о репутации... ну кроме самого необходимого. Ваша дочь – сознательная старая дева.

Выражение лица отца смягчилось, но у Ханны не осталось времени пожалеть о своем столь холодном тоне. При приближении к надгробию лорда Блекторна, все ее мысли занял человек, прислонившийся к могиле отца. Состояние виконта за короткое время ее отсутствия, похоже, ухудшилось. Его дыхание стало резким, лицо, хоть кожа и была загорелой под каким-то далеким южным солнцем, стало серым и восковым. Опасаясь задеть перевязь, которую девушка заметила под его шинелью, она слегка встряхнула его за здоровое плечо.

– Лорд Блекторн? Уильям? – Ханна взяла на себя смелость использовать его христианское имя в надежде получить ответ. К ее облегчению, его глаза медленно открылись. – Я мисс Ханна Фостер, а это мой отец – преподобный Фостер, – произнесла она, не уверенная, что он помнит ее спустя столько лет. – Мы позаботимся о вас.

Тяжелый взгляд Уильяма проследил за ее руками, когда она вынула из сумки пузырек и налила резко пахнущую жидкость в стакан.

– Вы могли бы это выпить, пожалуйста.

– Никакого опия, – пробормотал виконт, отворачиваясь.

– Это всего лишь кора ивы и кое-какие травы, чтобы справиться с лихорадкой, – заверила Ханна.

Повернув голову обратно, он мгновение изучал ее, а потом открыл потрескавшиеся губы. Варевое содержало сахар и лакрицу для маскировки горького вкуса, но виконт поморщился и мрачно отстранился, сделав всего один глоток.

– Вам нужно выпить все, – настаивала Ханна, используя сугубо деловой тон.

Дрожь пробежала по его телу, когда он допил варевое, а выражение лица стало явно оскорбленным.

– Моя лошадь, – слабой рукой он указал в сторону деревьев.

– Не переживайте. О ней позаботятся, – уверил викарий.

Услышав грохот, Ханна обернулась и заметила мельника, мистера Дженкинса с сыновьями, взбирающимися на холм.

– Ваш экипаж прибыл, милорд. – Ханна поморщилась при виде крепкой телеги, запряженной тяжеловесными лошадьми мистера Дженкинса. – Боюсь, она не так хороша, но это был единственный оказавшийся под рукой транспорт, наиболее подходящий для нашей цели.

Виконт попытался оттолкнуться от надгробия, но упал с громким стоном.

– Не надо двигаться, – упрекнула его Ханна. – Мельник и его сыновья поднимут вас.

Она хотела отойти в сторону, чтобы не мешать, но виконт схватил ее за локоть.

– Вы поедите со мной?

– Да, конечно, – ответила Ханна, удивленная его просьбой. Она могла лишь предположить, что он боялся остаться в одиночестве. – Я буду все время с вами.

– Хорошо. – Его рука упала, когда он снова провалился в бессознательное состояние.

«Это во благо», – заключила Ханна, потому что перенести раненого лорда в телегу оказалось не так просто. После того как мельник и отец помогли ей забраться в повозку, она покрыла виконта пледом, а его голову устроила на своих коленях, чтобы защитить ее от излишней тряски во время езды на телеге. Наоми пришла как раз вовремя, принесла чемодан Ханны и заверила ее, что самостоятельно справится с ведением домашнего хозяйства.

– *Пообещай*, что будешь присматривать за Рэйчел?

– Я напомним ей быть осторожной, – кивнула Наоми, сжимая пальцы Ханны.

Старшая дочь викария надеялась, что их младшая сестра внемлет предупреждениям, поскольку Рэйчел была склонна несколько легкомысленно относиться к происходящему, когда дело касалось ее репутации. Ханна не сомневалась, что мистер Трuebas любими путями попытается скомпрометировать молодую девушку, тем самым вынуждая принять его предложение.

– Не беспокойся, – отец обнял Ханну за плечи, когда лошади напряглись и потянули за собой тяжелую телегу. – Господь наблюдает за нами.

Несмотря на то, что Ханна восхищалась верой своего отца в провидение всевышнего, она переживала, что его склонность игнорировать мрачную действительность приведет к проблемам в семье. Спешно пробормотав молитву богу, желая верить в лучшее, Ханна не оставляла надежду, что ее отец и сестры смогут обойтись без нее. До этого дня она всего пару раз оставляла их одних на две ночи, когда помогала молодой матери ухаживать за ее потомством. Но сейчас один взгляд на виконта подсказывал ей, что в поместье она может задержаться на гораздо большее время. Если, конечно, он переживет эту ночь.

– Я сообщу мистеру Кроули о возвращении лорда Блекторна, – пообещал отец, шагая рядом с грохочущей телегой. – И я устрою лошадь виконта в конюшне на кузнице. У четы Поттс будет и так достаточно забот, чтобы выходить лорда, пусть даже и с твоей помощью.

– Я уверена, они постараются, – кивнула Ханна и помахала на прощание сестре и отцу.

∞∞∞∞

Мистер и миссис Поттс, к их чести, спокойно восприняли возвращение своего хозяина и тут же бросились убирать его покои. Это была одна из немногих комнат в огромном серокаменном особняке, которую они постоянно держали в частичной готовности в ожидании маловероятного, но все же возвращения молодого виконта.

Назначенный управлять делами Уильяма после смерти его отца, мистер Кроули не терял зря времени. Он уволил сотрудников и закрыл поместье вслед за отъездом молодого хозяина сразу после похорон. Ханна была одной из немногих членов местного общества, продолжавшая посещать это темное и пугающее здание. В отличие от местных сельских жителей, ее беспокойство о стареющем смотрителе и его жене – оставленных в полном одиночестве практически без средств к существованию – превозмогало страх. Конечно, Ханна верила в силу проклятия, которого побаивался даже ее отец, однако она отказывалась быть запуганной тем, что не имело к ней никакого отношения.

Лорд Блекторн дважды приходил в себя и стонал от боли, пока его несли в комнату.

– Не беспокойтесь, милорд, – бормотала Ханна, поглаживая его руку, когда он начал биться в агонии.

Пытаясь сесть, он схватил ее за рукав:

– Где я?

– Вы дома, милорд, в поместье Блекторн.

Он откинулся назад, его веки трепетали. Воспоминания о мальчике, с которым она играла в детстве, накладывались на вид человека, сейчас лежащего на старой двери, используемой в качестве носилок. Насколько известно, виконт никогда не был женат и оставался одиноким. Ханна была удивлена, что он попытался вернуться, учитывая его состояние. Печально думать, что ему больше некуда было идти.

– Удивительно, что при таком грубом обращении его светлость не очнулся, – размышлял мистер Поттс, после того как виконт был перенесен на кровать, стоящую в огромной хозяйской спальне.

– У него лихорадка.

Сделав свою работу и выслушав слова благодарности, мистер Дженкинс и его сыновья не стали задерживаться в этом жутком месте. Ханна же, не теряя времени, принялась стаскивать сапоги длиной до колен с ног виконта.

– Миссис Поттс, не могли бы вы нагреть воды? Мне нужно очистить раны его светлости.

– Конечно, мисс Ханна. – Женщина поспешила к двери, явно встревоженная видом мужчины, которого все помнили долговязым, но здоровым парнем. Сейчас он находился в очень жалком состоянии. – Я попрошу мистера Дженкинса прислать своего младшего сына, чтобы он помог нам. Их семья будет рада небольшому дополнительному заработку.

– Я в этом не сомневаюсь, – кивнула Ханна, немного обеспокоенная, кто заплатит сыну мельника, если виконт умрет. Скучное пособие зрителя едва покрывало расходы пожилой пары, и у Ханны не было денег, чтобы что-то обещать.

– Я поставлю вариться бульон, – добавила миссис Поттс.

Ханна благодарно улыбнулась, а потом вернула внимание своему пациенту. Ее живот скрутило тугим узлом, когда она подумала о том, что собирается делать. Несмотря на то, что девушка заверяла отца, будто справится с уходом за вернувшимся господином, сейчас она испытывала серьезное смущение от необходимости раздевать и мыть его. Что еще хуже – виконт пришел в себя, когда она и мистер Поттс попытались снять шинель и жакет с его тела.

– Что, черт возьми, ты делаешь? – встревоженный, он сел в кровати и с пугающей легкостью оттолкнул Ханну и ее тщедушного помощника в сторону.

– Мы раздеваем вас, чтобы оценить степень тяжести ваших ран, – ответила Ханна, поднимаясь с пола и приближаясь к виконту.

– Мои травмы смертельны. Вы можете позволить человеку спокойно умереть?

– Возможно, вы правы, милорд, – произнесла она сочувствующим тоном, несмотря на удар, который только что получила. – Но давайте, по крайней мере, сделаем вашу смерть более комфортной для вас.

Одарив ее хмурым взглядом, он кивнул, и Ханна продолжила снимать с него шинель, жакет и бриджи, делая все возможное, чтобы игнорировать его наполненное проклятиями бормотание. Она не чувствовала раскаяния, разрывая дырявую, покрытую пятнами рубашку, но когда дело было сделано, ее дыхание остановилось.

Лорд Блекторн стал настоящим мужчиной. На его мускулистом торсе виднелись светлые волосы, которые образовывая перевернутый треугольник посередине, спускались по животу вниз и скрывались за поясом нижнего белья. Подняв взгляд на лицо, Ханна с облегчением заметила, что глаза виконта закрыты, его длинные темные ресницы выделялись на пепельных щеках. Быть пойманной за любованием телом мужчины было бы, мягко говоря, унижительно.

Понимая, что должна быть более серьезной, Ханна принялась разглядывать травмы, испытывая при этом страх, который заставлял ее сердце бешено колотиться. Ужасная, едва залеченная рана на бедре объясняла хромоту, многочисленные застарелые шрамы портили его длинные, в остальном хорошо сложенные конечности и торс. Особое беспокойство вызывало повреждение плеча и руки. Аккуратно развернув грязную повязку, она неосознанно отшатнулась при виде пахнувшей, гноящейся раны.

– О боже, – прошептала она, и виконт медленно открыл глаза.

– Ты зря теряешь время, надо было просто оставить меня у могилы.

Ханна вздохнула.

– Да, полагаю, мы могли просто вырыть яму рядом с могилой вашего отца и столкнуть вас туда. Но мы не язычники, милорд, даже если не достойны вашего внимания.

Он нахмурил брови, а затем пожал плечами, отчего снова застонал. Совесть Ханны уколола ее; виконт не нес никакой ответственности за действия своих отцов и дедов, и неудивительно, что все эти годы он держался на расстоянии.

Глаза виконта снова закатились, и он потерял сознание. Это было нехорошим знаком, однако Ханна не могла не чувствовать облегчение от этого. Протирка губкой его горячей, обнаженной плоти в те минуты, когда он осознавал это, сделало бы ее задачей более волнующей. Ханна предоставила работу по мытью более интимных участков тела виконта мистеру

Поттсу, но была вынуждена помочь ему надеть на пациента чистое нижнее белье. В процессе ей пришлось увидеть гораздо больше частей тела лорда, чем незамужней, а тем более никогда не состоящей в браке женщине, положено видеть. Но выбора не было, и мистер Поттс дал ей понять, что сохранит ее тайну в безопасности.

Исчерпав все свои навыки ухода за больным, Ханна даже не стала скрывать облегчения, когда чуть позже в тот же день прибыла Грейс. Длинные черные волосы, светлая кожа и зеленые глаза придавали ей вид феи, что противоречило ее прилежной преданности своему ремеслу.

– Есть надежда? – шепотом на случай, если виконт очнется, спросила Ханна, пока ее подруга осматривала мужчину.

– В ране все еще есть осколки. Если бы полевые хирурги на самом деле ответственно выполняли свою работу, они бы провели полную очистку от осколков и ткани.

– Думаешь, они этого не делали?

Обе женщины переглянулись, увидев результат такой халатности и невежества. Некоторые хирурги даже специально вводили в рану инородное тело, чтобы способствовать образованию гноя, который, по их мнению, облегчал исцеление. Эту теорию Грейс категорически отвергала.

– Кость не сломана, – заметила она. – Но ампутация считалась бы неизбежной, учитывая тяжесть раны.

Ханна потянулась, чтобы вытереть лоб виконта влажной тряпкой.

– Должно быть, он отказался, глупец.

Грейс усмехнулась, роясь в сумке с медицинскими инструментами, которую она прятала у себя дома под полом. Задохнувшись, Ханна схватилась за руку подруги.

– Ты не можешь делать операцию. Он лорд. Королевский род. Ты знаешь, что случится, если тебя обнаружат.

Грейс отмахнулась и начала мыть инструменты в горячей воде, которую миссис Поттс принесла заранее.

– Это вряд ли можно назвать операцией. Я просто взгляну, проверю, смогу ли найти что-нибудь оставленное теми мясниками... и уберу мертвелую плоть, – добавила она, пожимая плечами.

– Если он умрет, в этом могут обвинить тебя.

– Если я ничего не сделаю, он точно умрет. А так есть хотя бы небольшой шанс, что он поправится.

Ханна неохотно кивнула и помогла поднять голову виконта, чтобы Грейс могла дать ему травяную настойку.

Вместе с развитием медицинской науки травничество и традиционное акушерство изжили себя. Кровопускание, промывание желудка, использование ртути и других подобных средств, по мнению Грейс, приносили больше вреда, чем пользы. Плохо обученные врачи, обычно младшие сыновья нетитулованного мелкого дворянства, игнорировали самые элементарные нормы чистоты и здравого смысла. Как говорила Грейс, такие хирурги были самыми настоящими возвеличенными цирюльниками, или «мясниками», она их прямо так и называла. Не всегда соглашаясь, Ханна боялась, что подруга рискует подвергнуться суровому осуждению только за выражение своих пренебрежительных мыслей, не говоря уж о действиях.

Озабоченная более насущными проблемами, Ханна изучала своего пациента.

– Как нам удержать его от борьбы с нами? Он отбросил мистера Поттса и меня в сторону, словно надоедливых мартовских мух, когда мы начали раздевать его.

– Усыпляющая настойка должна удержать его в покое, но, возможно, нам придется связать виконта.

Ханна побледнела, а Грейс многозначительно посмотрела на нее.

– Единственная возможность спасти его – очистить рану и остановить распространение заражения. Я не смогу сделать этого, если он будет дергаться, так что не надо быть такой излишне чувствительной.

– Чувствительной?

Ханну никогда раньше не обвиняли в сверхчувствительном поведении, хотя ей требовалось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы успокоить нервы. Ее предыдущий опыт в уходе за хворыми заключался в сидении у постели больного, вытирании вспотевшего лба и введении травяных отваров. При операциях прежде она никогда не присутствовала.

– Что я должна делать? – Решительный тон скрывал страх, по крайней мере, она на это рассчитывала.

– Поднимись на кровать с другой стороны и встань на колени рядом с ним, – скомандовала Грейс. Ее голос звучал вполне разумно, несмотря на возмутительную природу слов.

– Прошу прощения, что? – Ханна уставилась на подругу.

– Ты слышала меня. – Грейс готовила инструменты. – Мы не можем обе стоять с этой стороны кровати, ты будешь мне мешать.

Ошеломленная, тихо возмущающаяся, Ханна сделала то, что ей велели.

– Что дальше? – уточнила она. Все знают, что это был первый и, без сомнения, *единственный* раз, когда она делила постель с мужчиной.

– Наклонись над телом и придави одной рукой его плечо, а другой рукой локоть. Мне нужно, чтобы ты держала его неподвижно. Можешь лечь на него всем телом, если он станет слишком беспокойным.

– Ты говоришь глупости, – пробормотала Ханна.

Грейс слегка пожала плечами.

– Либо так, либо свяжи его.

Тяжело соглотнув, Ханна наклонилась над грудью виконта и осторожно положила руки на его обжигающую плоть. Он был в ужасном состоянии, без сознания, но теперь Ханна уже никогда не сможет забыть, что была так близка с полуголым мужчиной. Не самым худшим представителем мужского рода, кстати. Задержав дыхание, чтобы случайно не прикоснуться грудью к его коже, она сосредоточилась на выполнении своих обязанностей.

Несмотря на осторожные действия подруги, виконт стал дергаться, когда швы кропотливо были удалены. Стоило Грейс прикоснуться к гнойной ране, он начал бороться всерьез.

– Не двигайтесь, милорд, – умоляла Ханна, теперь уже лежа поперек его тела, как предложила Грейс. Ощущая под собой потное тело, она взглянула на лицо виконта. Его глаза были слегка приоткрыты, но их заволочило пеленой от лихорадки и от действия снотворного.

– Перестань меня мучить, женщина, – пробормотал он сквозь стиснутые зубы.

– Мы пытаемся помочь вам, – объяснила Ханна.

Мгновение виконт смотрел на нее, а потом перевел взгляд на Грейс, как раз удаляющую осколок металла из раны.

Ни одна из женщин не вздрогнула от проклятия, извергнутого с его губ. Бедняга имел полное право возмущаться некомпетентностью хирургов, приговоривших его к мучительной смерти.

– Сколько еще? – задыхаясь, спросил он, скрипя зубами.

– Еще немного, – ответила Грейс, позволив ране на мгновение свободно кровоточить, чтобы вымыть оттуда любые оставшиеся примеси. – Мне осталось только наложить новые швы и нанести травяную мазь, после оставим вас отдыхать.

Выждав небольшую паузу, он кивнул. Ханна попыталась подняться с его тела, но он удержал ее здоровой рукой.

– Не надо, – произнес он, больше умоляя, нежели требуя.

Ханна замерла.

– Хорошо, – пробормотала она, слишком озадаченная. Ей оставалось предполагать, что ее прикосновения как-то поддерживали его, или он не мог вынести даже легкого толчка, когда она поднималась с его груди.

К чести виконта, он держал раненую руку неподвижно, пока Грейс зашивала рану – стягивала рваные куски плоти вместе, протыкая их изогнутой иглой. Его агония проявлялась в дерганом дыхании, что заставляло его грудь трястись под Ханной. Молясь, чтобы бог был милостив к страдающему человеку, она с облегчением и со слезами на глазах заметила, что его голова откинулась назад, и он снова впал в беспамятство.

Глава 4

Мучение

Уильям горел в огне, был связан и не мог избавиться от жгучей боли.

Крики людей и лошадей звучали громче тяжелого глухого грохота больших пушек, извергающих смертельные снаряды. Битва за Арапилы к югу от Саламанки начиналась хорошо. Запущенный англичанами шрапнель переместил баланс сил в сторону англо-португальских войск, но, даже не смотря на это, наши потери были велики. Подкошенный россыпью гильз, выпущенных непревзойденными французским пушками, кавалерийский отряд Уильяма был уничтожен. Его личные демоны – образы людей, *друзей* – окружили его разум, их лица парили перед ним. Потом появился настоящий призрак.

– Нам придется ампутировать вашу руку, капитан.

Военный хирург навис над ним, а фонарь над его головой качнулся вперед и назад, одновременно с привычным, но неожиданным волнением океана.

– Он не поблагодарит вас, – кто-то начал спорить.

Зрение Уильяма было слишком размытым, чтобы пытаться разглядеть черты его неожиданного адвоката.

– Он *виконт*. Вы лишитесь головы, если не получите разрешения до того, как начнете ампутацию.

– Мне все равно, герцог он или чертов Веллингтон. Это единственный способ спасти ему жизнь.

Уильям почувствовал, как сталь резанула его плоть.

– Оставь мою руку! – взревел он, борясь с тем, кто его держал.

– Тихо, – успокоил его женский голос, и холодная рука легла на лоб. – Все будет в порядке.

Гордость, полностью уничтоженная болью, требования Уильяма превратила в мольбы.

– Не забирайте у меня руку.

– Мы пытаемся спасти ее, – голос незнакомой женщины был мягким, резко контрастируя с нестерпимой болью, исходящей от его конечности.

– Просто дайте мне умереть, – взмолился он.

– Я не могу сделать этого. Вы должны бороться за жизнь, – ругал его приятный голос, постепенно трансформировавшийся в жесткий голос его отца: – Но было бы лучше, если бы ты никогда не родился.

Уильям вздрогнул, увидев злое лицо своего родителя. По крайней мере, в своей жизни он совершил один правильный поступок: не оставил наследника, которому пришлось бы нести бремя проклятия Блекторнов или слышать такие ненавистные слова от отца.

«*Боже, помилуй*», – молился он, прежде чем в его сознание пришло понимание, что уже слишком поздно для молитв. Жар и боль не прекращались; его предупреждали, что так будет, но вот присутствие женщины смущало.

Что ангел делает здесь, в аду?

– Черт возьми, оставь меня в покое, женщина! – кричал он, когда ее действия в ране становились чересчур болезненными.

– Я пытаюсь помочь вам, милорд. – Теплые карие глаза встретились с его взглядом в тот редкий момент, когда он чуть приподнял веки, и ее нежный голос и мягкая улыбка не обманули его. Нет, она была не ангелом, а дьявольским чертенком, пришедшим из ада, чтобы мучить его.

– Ты дьявол, – сердился он, когда она начинала протирать его тело и менять пропитанные потом постельные принадлежности. Каждое движение увеличивало его агонию.

– И вы невозможный человек, но нам всем приходится нести свой крест.

Ее тон был язвительным, что добавляло неразберихи. Где, черт возьми, его камердинер? Маркхем не мог быть поражен в бою, Уильям оставил его в безопасности в лагере. Почему, во имя бога, о нем заботилась женщина? Не просто *какая-то* там женщина – ее голос звучал с достоинством, выдавая истинную леди.

– Вам не стоит делать этого, – заметил он, но его беспокойство о приличиях тут же сменилось паникой, стоило ей повернуться, чтобы уйти. – Подождите! – он схватил ее за руку.

– Все в порядке. Я никуда не собираюсь.

Держась за ее слова, как за талисман, виконт сжимал ее пальцы с тем же усердием. Непривычная для него потребность в ком-то была настоящим потрясением... если бы все это было реально.

Снова и снова он возвращался на войну: сражение, поле, звуки стрельбы; запах крови и смерти всегда одинаков. Когда этого ада становилось слишком много, ее ангельский голос возвращал его на кровать, где он лежал в комнате отца. Резкие травяные запахи окружали его, но иногда он улавливал аромат ангела.

Цветочный, ее невыразимо нежный аромат, был бесконечно более привлекательным, чем приторные духи лагерных шлюх. Жены простых солдат, сопровождающие своих мужчин на войну, теперь вдовы, продавали свои тела, чтобы выжить. Не в состоянии игнорировать отчаяние, застывшее на их лицах, Уильям давал им деньги просто так, не за оказанные услуги, только чтобы облегчить их страдания. В то время как его соратники принимали их самопожертвование, ни о чем не задумываясь. Уильям беспокоился о стайке маленьких оборванцев, цепляющихся за юбки женщин. Заполнение желудка хотя бы одного ребенка, стоило того, чтобы выслушивать непристойные замечания о его добросердечности.

Ситуации в детстве, когда его отправляли спать ненакормленным, были редки, однако эти моменты отпечатались в его памяти навсегда. Возможно, его жизнь в поместье и была мрачной, но в целом он хорошо питался и редко бывал бит. Ему не хватало семейной благожелательности, доброты, которой ангел, казалось, обладала в изобилии... когда не пыталась его. Уильям боялся, что ее присутствие – часть его наказания, ему дали распробовать вкус небес, демонстрируя, чего он был лишен, чем мог бы наслаждаться, если бы не проклятие.

Измученный бесполезностью своих мыслей, он стонал от боли и сожаления. Ангел в ответ протирала его лоб и шептала слова утешения, на что Уильям поклялся себе стонать чаще. Ее рука обнимала его за плечи, добавляя комфорта и удовольствия. Желая еще раз взглянуть на нее, он пытался открыть глаза, но веки не слушались, словно налились свинцом.

Лицо женщины плавало перед ним, знакомое и далекое. Его ангел? Волосы цвета меда, серьезные, но женственные черты лица, она вела себя, как леди. Озадаченный, он не мог вспомнить момент их знакомства. Уильям никогда не обращал внимания на женщин своего уровня. Он держался на расстоянии, понимая их страх, что проклятие рода уничтожит любую, кто решится приблизиться.

– *Мы убиваем тех, кого любим. Всех. Кроме потомков – они существуют для того, чтобы действие проклятия не закончилось никогда.*

Горькая обличительная речь отца, произнесенная в приступе холодной ярости трезвым или во время одного из его пьяных загулов, эхом отдавалась в голове Уильяма.

– Тихе. Все в порядке, милорд. Это поможет унять вашу боль.

Голос женщины вернул его в настоящее, и он протянул руку, чтобы прикоснуться к ней. Облегчение волной затопило сознание, когда ее прохладные пальцы переплелись с его.

– Мне нужно, чтобы вы немного приподняли голову, – попросила она.

Слишком слабый, чтобы сопротивляться, он позволял ей поить его отвратительными напитками. Его голова покоилась в кольце ее руки, она практически обнимала его, слегка прикасаясь грудью. Уильяма успокаивало ее присутствие. Хотя одно все же беспокоило. Он знал, что не должен жаловаться, но ангел, конечно, мог найти для него более приятное питье.

Ханна была истощена, никогда раньше она не ухаживала за таким сложным и требовательным больным. Учитывая, что большую часть времени он бредил, она старалась не обвинять его в плохом поведении.

– Это неправильно, что ты должна заботиться о джентльмене в одиночку, – беспокоился отец, пришедший проведать дочь на следующий день после появления виконта. – Но мне, к сожалению, не удалось найти кого-нибудь тебе в помощь. Я не могу предложить оплату, поэтому никто не желает оставаться в поместье надолго.

– Полная глупость, – вздохнула она. Прошло десятилетие с тех пор, как многие жители потеряли работу в этом доме, они впали в уныние. Сейчас суеверия возобладали над здравым смыслом. – Неужели мистер Кроули не может выделить необходимые средства? Конечно, он должен понимать, что его бездействие негативно отразится на выздоровлении виконта?

– Я начинаю задаваться вопросом, нужно ли мистеру Кроули, чтобы виконт *поправился*? – произнес отец с мрачным выражением на лице. – Этого человека сейчас нигде не найти. Он сообщил своей домработнице, что после воскресной службы поехал по поручению, якобы от имени виконта.

Ханна приподняла брови. Было бы интересно узнать, сколько бездушных распоряжений мистером Кроули было получено от его хозяина. Она могла предположить, что единицы, если таковые вообще имелись.

– Не тревожьтесь обо мне, папа. Я более чем способна позаботиться о его светлости. Что касается приличия, здесь живут мистер и миссис Поттс, они помогают мне с уходом более личного характера.

Ханна была рада смягчить опасения отца, хотя понятия не имела о внезапном изменении обстоятельств, которые произойдут на третий день ее жизни в поместье, касающихся обязанностей по уходу за больным.

– Колено мистера Поттса внезапно вспыхнуло дикой болью, – на следующий день, задыхаясь от бега по лестнице, сообщил мальчик Томми, младший сын Дженкинса. – Он просил передать, что это произошло от постоянной ходьбы по лестнице вверх и вниз. Его застарелый ревматизм дал знать о себе. Миссис Поттс тоже не в лучшей форме. Она бродит по кухне и ее суставы распухли.

– О боже, – вздохнула Ханна, а затем заверила мальчика, что обязательно скоро навестит пожилую пару.

– Ты справишься, – поддержала подругу Грейс, зайдя проведать своего пациента.

– Но мне придется купать его, переодевать и помогать с туалетом одной.

– Ты уже видела голого мужчину, не так ли? – Грейс пожала плечами.

– Да, было такое, но у старого мистера Петтигрю было старческое слабоумие, и я только мельком видела его... м-м... интимное место. Смотреть было не очень приятно.

Грейс фыркнула.

– Что-то мне подсказывает, что ты найдешь интимное место его светлости более привлекательным для глаз, или именно это тебя и беспокоит?

– Конечно, нет. – Ханна возмущенно скрестила руки, отказываясь поддаваться на провокацию подруги, несмотря на возникшие опасения.

– Он довольно ладно сложен и, очевидно, сохраняет активный настрой, – Грейс рассматривала полуобнаженного виконта. – Вероятно, это имеет какое-то отношение к тому, почему он до сих пор жив. Трудно сказать, как он выглядит под всеми этими волосами. Жаль, что остались шрамы.

– Грейс! – Ханна жестом попросила подругу понизить голос. – Он может тебя услышать.

– О, я думаю, в свое время виконт слышал что-то и похуже. – Грейс снова пожала плечами: жест, считающийся неприемлемым для леди, но теперь подругу Ханна это совершенно не волновало. – Он почти такой же изгой, как и я. Конечно, сливки общества более чем счастливы принимать *мои* услуги, когда их беспокоит подагра или они чувствуют приступ ангины.

– Вполне возможно, – Ханна понимала причину горького тона подруги, вызванного изменением обстоятельств ее жизни, – но бедняга заслуживает достойного обращения.

Грейс внимательно посмотрела на нее.

– Надеюсь, ты не привяжешься к нему. Ничего хорошего из этого не выйдет.

– Сейчас ты ведешь себя нелепо, – Ханна взялась укрывать виконта одеялом, скинутым Грейс для осмотра больного. – *Если* он выживет – что весьма сомнительно, – добавила она шепотом, – и *если* у него хватит ума найти себе жену, то могу заверить тебя, это буду не я.

– Прекрати недооценивать себя, – упрекнула Грейс, защищая подругу. – Из тебя вышла бы отличная жена. И не твоя вина, что джентльмены – дураки, предпочитают более доступных девушек с приданым. Единственное, что я хочу заметить: не редкость, когда пациент влюбляется в свою медсестру. И тебе не стоит забывать, *почему* виконт стал изгоем.

Ханна несколько раз моргнула.

– Я думала, что ты приверженец науки – ну, науки о *травах*, – и не приемлешь суеверия. Ты веришь в проклятие Блекторнов?

– Даже твой отец верит в проклятие, а он священнослужитель. – Грейс принялась рассматривать свои ногти. – Мы обе знаем, что такое случается: матери умирают во время родов. Глупые врачи заставляют их лежать в кровати по нескольку дней, если не недель, лишая силы. Затем они настаивают, чтобы бедные женщины рожали на спине, только лишь для того, чтобы за ними было легче наблюдать. Добавь к этому списку регулярные чистки и кровотечения, используемые ими в качестве обычной практики, не говоря уж о полном отказе от травяных средств, помогающих женщинам на протяжении многих поколений... – она с отвращением подняла руки.

Ханна кивнула.

– Именно поэтому я думала, что ты сочтешь проклятие настоящей чепухой. Мать виконта, вероятно, умерла при родах под наблюдением такого врача. Хотя полагаю, их предки были рождены с помощью акушерки и старых методов.

– Мое мнение таково: независимо от того, какой уход был оказан, есть пять поколений женщин, умерших при родах своих первенцев – сыновей. Дважды в одной семье – грустно, но ничего удивительного, трижды – это уже беда. Но пять поколений подряд? Это неестественно.

Огонь уже давно прогрел холод старых каменных стен комнаты, но по позвоночнику Ханна пробежала дрожь.

– Значит, ты веришь, что любая женщина, вышедшая замуж за виконта, обречена умереть во время родов?

– А ты так не думаешь?

Теперь пришла очередь Ханна пожимать плечами, ее взгляд вернулся к измученному облику виконта.

Похоже, она не единственная, кому суждено провести жизнь в одиночестве, хотя, по крайней мере, на ее совести не будет смерти супруга. И опять же, у нее никогда не будет своего ребенка.

Глава 5

Мисс?

Уильям уставился на женщину в мягком кресле рядом с кроватью. Она спала. По-джентльменски следовало бы разбудить ее и сообщить, что за ним больше не нужен присмотр. Но он не мог сделать этого, находя ее присутствие успокаивающим. Отведя взгляд, он посмотрел на свою руку. После того как ему сообщили, что он жив и у него есть рука, что было взаимноисключающими фактами, он с удивлением обнаружил, что конечность по-прежнему прикреплена к его телу. Рана была аккуратно перевязана, и боль, когда-то сводившая его с ума, была не так сильна. Он пошевелил пальцами и почувствовал облегчение, когда они послушались его, хотя и слабо. Огонь, обжигающий руку при движении, остановил его от дальнейших экспериментов.

Слабый смешок вырвался из его груди, когда он, оглядевшись, узнал комнату своего отца в поместье Блекторн. Все-таки несмотря ни на что ему удалось проделать этот путь с Пиренейского полуострова. Вспомнив о своем незапланированном визите в церковь в Хартли, Уильям снова посмотрел на спящую женщину. Ах, да! Он вспомнил ее. Дочь викария с чудесным голосом. Что она делает у его постели? Причудливые сны, должно быть, переплелись с кошмарами, потому что невозможно, чтобы *леди* делала все то, что всплывало во фрагментах его воспоминаний.

Уильям издал стон, пытаясь окликнуть своего камердинера или лакея – кто-то же должен был присматривать за ним вместо нее. Проснувшись от слабого звука, женщина потянулась как кошка. Не открывая глаз, она выгнула спину, отчего кремовое платье с высокой талией обтянуло ее женственные формы. Если бы она знала, что он наблюдает за ней, то сладострастные движения свидетельствовали бы о плохом воспитании, или о существовании значительной степени близости между ними.

Она явно даже не предполагала.

Уильям попытался отвести взгляд, но этот образ, движение рук и стана, теперь навсегда ввелись в его мозг. Смотреть в сторону казалось бессмысленным, и после небольшой паузы он все-таки решил восстановить капельку приличия и прокашлялся, извещая, что он в сознании.

Ее глаза тут же распахнулись.

– Вы проснулись.

Она улыбнулась, и невозможные образы тут же заполнили его мозг. Он вспомнил, как она ухаживала за ним, успокаивала, лежала на нем, удерживая, пока та зеленоглазая ведьма делала гадкие вещи в его ране. Гадкие вещи, спасшие как его жизнь, так и его руку. Уильям пытался понять, что было на самом деле, а что вызвано лихорадкой.

– Должно быть, вы хотите пить. Давайте, я принесу вам, – дочь викария встала и пригласила волосы. – Не переживайте, я добавлю немного бренди. Никогда не видела, чтобы больной настолько не любил травяные чаи и настойки. Бренди – единственное, что может заставить вас прекратить плевать и выкрикивать проклятия.

Ее слова звучали нелепо, джентльмен никогда не стал бы плевать и выкрикивать проклятия в присутствии леди. К сожалению, у Уильяма сейчас не было сил спорить. Позволив ей помочь ему немного приподняться, он осторожно отхлебнул из чашки, которую она поднесла к его губам.

– Почему? – вместо слов у него вырвался хрип, но он попытался снова. – Почему вы здесь?

– Мне казалось, это очевидно, милорд, – ответила она, убрав чашку, а потом взбила подушку и поправила одеяло.

– Где же слуги? – удивился он, и его голос перешел в шепот, когда сознание поддалось подступающей тьме.

В следующий раз, когда Уильям открыл глаза, его насильно поили отвратительным пойлом, и вокруг все было так обрызгано и испачкано, что Уильям вспомнил свое негодование по поводу обвинения в плевании. Держа ложку у его губ, мучительница поглаживала ему горло, как проклятому псу, вызывая рефлекс глотания.

– Черт возьми, женщина, – он отдернул голову от ее рук.

– Ну вот, теперь проклятия, – она со вздохом убрала ложку. – Я знаю, что это ужасно на вкус, милорд, – ее тон звучал смиренно, но без сожаления. – Но все для вашего же блага. С каждым днем вы выглядите лучше. На этой неделе намного лучше, чем на прошлой.

На этой неделе? Ее кремовое платье было заменено на простое, но притягивающее взгляд, голубое, волосы были заплетены в косу вокруг головы, а не собраны в пучок, как в тот день, когда они в последний раз говорили... когда бы это ни было. Подняв руку, чтобы почесать челюсть, Уильям обнаружил бороду, а не обычную легкую щетину.

Игнорируя его сердитый взгляд, сиделка снова поднесла ложку к его плотно сжатым губам. Ее плечи были поникшими; Уильям заметил, что под глазами девушки пролегли тени.

– Милорд, не могли бы вы, *пожалуйста*, прекратить бороться со мной?

Уильям почувствовал угрызения совести, и мотнул головой в сторону отвратительного на вкус лекарства.

– Что это?

– Старый, но мощный рецепт, – сказала она, и ее лицо просветлело. – Грейс клянется, что эта настойка применялась расхитителями могил во Франции в годы чумы. Эти воры не болели, продолжали *жить* и наслаждаться нечестной добычей.

– Расхитители могил? – Уильям фыркнул.

– Инфекция не выбирает человека, милорд. – Ее тон был чопорным, но Уильяму удалось обнаружить намек на улыбку.

Ее умозаключения были правильными. Страдания и смерть не заботились о человеческих различиях. Если истории его семьи было недостаточно, чтобы преподать ему урок, то пять лет войны раскрыли перед ним горькую истину. Понимая, что ведет себя как ребенок, он открыл рот и позволил напоить себя мерзкой смесью. Напиток был горьким и пахнущим чесноком, но, похоже, действенным, ведь несмотря ни на что больной был все еще жив. Но виконт был бы более благодарен, если бы лекарство не было страшнее, чем болезнь.

– Молодец, – пробормотала Ханна, когда он допил последнюю каплю; ее улыбки было достаточно, что простить командный тон. – Как насчет мясного бульона миссис Поттс, чтобы прогнать горький привкус? Теперь, когда ваша лихорадка закончилась, пришло время набираться сил.

Не представляя, насколько он похудел, Уильям глянул вниз и с облегчением заметил, что, несмотря на непривычную худобу, ему еще далеко до кожи и костей.

Пока дочь викария колдовала у буфета – снимала серебряную крышку, накрывающую тарелку с ароматным супом, – он пытался собрать воедино все свои мысли. Существовали вопросы, на которые ему хотелось получить ответы, но каждый раз, когда он, наконец, формулировал их, Ханна подносила ложку к его губам. Раньше он никогда не обращал внимания, сколько усилий нужно, чтобы просто глотать, и, опустошив половину тарелки, Уильям вновь почувствовал, насколько он слаб, истощение сокрушило его.

В следующее пробуждение его мочевой пузырь любезно напомнил о себе. Несмотря на то, что Маркхем опустошал горшок без каких-либо жалоб, Уильям предпочитал без надобности не перегружать камердинера и по возможности ходил в уборную. Делать это посреди ночи было не самым его любимым занятием, но, ворча, он попытался подняться со своей койки. Как ни

странно, тело отказывалось подчиняться. Когда же он открыл глаза, то увидел освещенную камином спальню, а не свою аккуратную, но функциональную офицерскую палатку.

Что за черт?

В один момент память вернула ему его место нахождения. Паника тут же ослабла, когда он увидел дочь викария, свернувшуюся в кресле возле кровати и читающую книгу. Она была одета в бледно-голубое платье, то же самое, в котором он видел ее в последний раз, и это заставило его поверить, что сейчас тот же день.

– Извините меня, мадам.

Его невнятное бормотание привлекло ее внимание, и она встала.

– Приятно видеть, что вы снова проснулись, милорд. – Она убрала волосы с его лба, проверяя температуру. – Никаких признаков лихорадки. Как думаете, вы могли бы съесть еще немного бульона?

– Пожалуйста, – сказал он, одновременно прочищая горло покашливанием. – Пожалуйста, позовите моего камердинера или лакея.

Она подняла брови.

– Здесь только я, милорд, и мистер Поттс. Но боюсь, лестница слишком высокая, и он перетрулил ноги в первые несколько дней.

Нахмурившись, Уильям попытался понять смысл ее слов. Его потребность становилась все насущнее, и он беспокойно ерзал в кровати. Желая поправить свой требовательный орган, но не в состоянии сделать этого перед дамой, Уильям автоматически дернул рукой в его направлении.

Заметив это движение, она поморщилась.

– О, я понимаю.

Отойдя от кровати, она вернулась с бутылкой странной формы. Сначала озадаченный, он понял ее предназначение, когда дочь виконта положила бутылку возле его ноги и взялась за одеяло, чтобы отодвинуть его.

Он схватил ее за запястье.

– Что, во имя бога, вы собираетесь делать?

– Помочь вам, конечно.

– Но вы же женщина... *леди*.

Ее губы сжались в тонкую линию.

– И единственный человек здесь, так что давайте не будем поднимать шум? Не волнуйтесь. Я справлялась с этим уже дюжину раз.

Его глаза расширились от ужаса.

– Меня не интересует ваше мастерство, мадам. Меня беспокоит неуместность ситуации.

– О боже, – вздохнула она и позволила одеялу упасть на место. – Вы в здравом уме? Не думала, что, когда лихорадка исчезнет, у нас все усложнится.

– Ситуация не сложная, она непостижимая. Не могли бы вы объяснить мне, почему леди выполняет такое интимное действие для недееспособного джентльмена?

– Недееспособного *больного*, – поправила она. – А не по какой-то похотливой причине, которую ваш солдатский ум может предположить?

Уильям раздраженно сжал здоровую руку в кулак.

– Не сочтите за неуважение, мадам, но поскольку сейчас я полностью в своем уме, я настаиваю, чтобы ко мне пришел слуга – мужчина.

Тон его сиделки смягчился, но она медлила с ответом.

– Мне очень жаль, милорд. Я не знаю, является ли это результатом перенесенной лихорадки, но мне кажется, вы страдаете галлюцинациями. Кроме мистера и миссис Поттс – пожилого зрителя и его жены, – сказала она осторожно, как будто он мог забыть пару, практи-

чески вырастившую его, – в поместье Блекторн нет других слуг, ни мужчин, ни женщин. Они были уволены много лет назад, вскоре после похорон вашего отца.

Уильям смотрел не моргая. Это было десять лет назад. Кому же он платил жалованье все эти годы?

Этой тайне придется подождать, его нынешняя дилемма сейчас занимала все мысли. Если девушка говорила правду – а Уильям не мог придумать причин для ее лжи, – другой помощи ему ждать было неоткуда. К своему стыду, он не был уверен, что сможет справиться в одиночку в своем состоянии.

– Дюжину раз, говорите?

– По меньшей мере, – кивнула она, и покрасневшие щеки выдали ее волнение, скрываемое за маской невозмутимости. Он мог только представить, насколько легче ей было справиться с недееспособным больным, нежели с постоянно возмущающимся.

– Что ж, хорошо. – Стиснув зубы, он молился, чтобы тело не предало его. Никогда раньше его интимного места не касались женские руки, и ее нежное прикосновение, по меньшей мере, тревожило. Еще свою роль играл вопрос ее привлекательности. Сострадательная женщина вышла за рамки обязанностей, выполнение которых можно было ожидать от дочери викария. Уильям мог только предположить, что ее муж – святой, потому что любой другой мужчина вряд ли позволил бы жене заботиться о больном подобным образом.

– Все готово, – сказала она через мгновение, которое, казалось, тянулось вечно. – Я оставлю вас ненадолго и вернусь, чтобы забрать бутылку, когда вы закончите. Как думаете, вы справитесь самостоятельно?

Подавляя желание выругаться, он снова кивнул. Облегчение затопило его, когда она отвернулась и вышла из комнаты, хотя это, конечно, не заглушило чувство глубокого стыда.

Какая-то часть мозга Уильяма задалась вопросом: находится ли он все еще в кошмарном сне, или уже, наконец, отправился в ад. Любой из этих вариантов был более терпимым, чем та ситуация, в которой он сейчас оказался.

– Это возмутительно! Почему вы не позвали меня раньше?

Уильям проснулся от звука спора, который велся над его головой.

– Мы были слишком заняты, доктор. И мы не виноваты, что управляющий поместьем лорда Блекторна так долго посылал за вами.

– Это безобразие, – крикнул доктор слишком громко. – Его светлость должен был находиться под присмотром врача, а не парочки невежественных мисс, пичкающих его бесполезными травяными средствами.

– Беспольными травяными средствами, которые спасли ему жизнь.

– Я врач и мне судить об этом.

– Думаю, я праве судить. Лучший показатель – моя спасенная жизнь, – пробормотал Уильям. Услужливый врач, которого виконт плохо помнил со времен детства, развернул повязку на руке и начал щупать рану. Уильям, оттолкнув руку доктора, встретился с пристальным взглядом своей сиделки и почувствовал облегчение в груди от ее близости.

– Лорд Блекторн, я доктор Купер. И являюсь вашим врачом с тех пор, когда вы еще были мальчиком, – сообщил доктор без надобности. – Совсем недавно я узнал, что вы вернулись в Хартли и нуждаетесь в медицинской помощи. Должен признаться, что потрясен полученным вами лечением, или, точнее, его отсутствием. Эта... эта... *женщина*, – он указал на темноволосяную барышню, стоящую у изножья кровати, – призналась в своих манипуляциях, равносильных *операции*, а потом она поила вас всевозможными мерзкими и бесполезными отварами.

– Я просто очистила рану, удалила металлические осколки и фрагменты униформы виконта, которые продолжали гнить, – зеленые глаза женщины вспыхнули. – Травяные средства, назначенные мной, эффективно использовались многими поколениями целителей.

– Бабушкины сказки, – с насмешкой произнес доктор. – Его светлость должен был лечиться ртутным тоником для борьбы с миазмами и детритом, *введенным* в рану, чтобы стимулировать просачивание. Это единственный способ, способствующий исцелению.

– Мне сказали, что рана не заживет, и единственная надежда на исцеление – ампутация, – Уильям беспристрастно изучал свою искаленную, но явно заживающую руку. – Хотя не буду спорить, что отвары действительно были мерзкими, – потемневшим взглядом он глянул на дочь викария. – Забота, полученная мною от этих двух дам, похоже, сделала то, что военные хирурги объявили невозможным. – Он посмотрел на врача, бросив ему вызов отрицать очевидное.

– Настойки и травянистые компрессы – устаревшие формы лечения, они отвергаются современной наукой, милорд, – доктор Купер брызгал слюной. – Вам срочно нужно сделать кровопускание, а потом неоднократно чиститься.

Уильям прищурился.

– Думаю, я достаточно пролил крови на поле боя.

Что касается чистки, то мысль о том, что его заставят неоднократно изгонять желчь из желудка, когда он и так уже слаб, как котенок, выглядела малопривлекательной.

– Если вы настаиваете на продолжении ухода этой парочкой некомпетентных, незамужних мисс, – доктор снова указал на зеленоглазую леди, – повитухой с мешком, полным трав, – затем он указал на ангела Уильяма, – и дочь викария, тогда я отказываюсь нести ответственность за результат, мой господин.

– Принято к сведению, – Уильям скрыл свою реакцию на откровения доктора и отпустил его одним движением пальцев.

Врач вышел, что-то бормоча себе под нос о маловероятности полного излечения раны Уильяма. Но виконта это уже не волновало. Он сосредоточил взгляд на девушке, которая так умело ухаживала за ним интимно, в одиночку бог знает как долго.

Она была *мисс*?

Глава 6

Приличие

Ханна наслаждалась тем, как виконт поставил доктора Купера на место – он очень своевременно проснулся. Она была обеспокоена, что врач примется настаивать на своих изнурительных методах лечения, уничтожая всю пользу выполненной ими работы.

Годами наблюдая, как страдает мать, Ханна утратила веру в медицинское братство. Оглядываясь назад, она сожалела, что отец не доверил лечение тете Грейс, с ее многолетним опытом, а выбрал так называемую современную медицину. Нескончаемый поток врачей вытянул последние силы из обоих родителей: из матери – жизненную силу, из отца – остатки его скудных финансовых запасов. Хотя Ханна и сомневалась, что мать можно было спасти от изнуряющей болезни, в итоге закончившейся смертью, но последние месяцы можно было сделать менее изматывающими. Если бы ей только предложили лекарство не излечивающее, а хотя бы смягчающее симптомы, вместо постоянных чисток и лекарств, приносящих, казалось бы, больше вреда, чем пользы.

Виконт кивком подал знак Грейс, чтобы та опять перевязала рану. Единственным с его стороны признаком понимания, что Ханна тоже находится в комнате, был хмурый взгляд. В этом не было ничего удивительного. События, произошедшие предыдущим вечером, были неприятны для них обоих. Ханна почувствовала облегчение, когда он уснул, не доев и половины порции бульона, хотя это оставило нерешенным вопрос об ее интимном уходе за ним. Сегодня утром он выглядел крепче, и она сомневалась, что виконт так просто забудет обо всем.

После ухода Грейс Ханна с ужасом ждала, когда настанет момент расплаты. Она не могла отрицать, что ухаживала за виконтом без посторонней помощи и без компаньонки, чем пересекла все границы уместности, но ее это не особенно беспокоило. Оглядываясь, назад, возможно, ей стоило переживать немного больше. В то время как положение старой девы было бесповоротно принято ее окружением в деревне, она боялась, насколько далеко могла отклониться от общепринятых норм в целом. Не были ли нарушены пределы элементарных приличий.

Скрывая тревогу за занятостью, Ханна принялась поправлять одеяло виконта.

– Надеюсь, доктор не расстроил вас своими предрассудками, милорд. Методы Грейс можно считать старомодными, но она прекрасный целитель.

– Это не подлежит сомнению. – Виконт взглянул на руку, прежде чем пронзить Ханну осуждающим взглядом. Она поняла, что это было сделано для запугивания, и получилось, к слову сказать, ужасающе эффективно. Это умение, без сомнения, было отточено за годы службы в качестве офицера. – Хотя смею заметить, мое выздоровление в немалой степени связано с *вашим* усердным уходом. – Его комплимент никак не вязался с тоном голоса. Внутренности Ханны перевернулись.

– Благодарю вас, милорд, – ответила она не в силах сдержать дрожь в голосе. – Вам что-нибудь нужно?

– Ответы! – рявкнул он настолько громко, что Ханна вздрогнула. – Я не вынесу больше этого гнусного дозирования снадобий, и бульон я больше есть не хочу. Яйца, бекон, тост, да даже овсянка была бы предпочтительней. Я взрослый мужчина, а не пеленатый малыш, и мне нужно подкрепиться, но не раньше, чем вы назовете мне свое имя. А потом я хотел бы получить объяснение, почему за мной ухаживали вы... одна... *мисс*... а не *миссис*! – Его голос становился громче с каждым словом и закончился бы, возможно, криком, если бы виконта не одолел приступ мучительного кашля.

– Я называла вам свое имя несколько раз, милорд, – Ханна поднесла стакан к его губам, когда он перестал кашлять. – Я *мисс* Ханна Фостер – факт, который я и не пыталась скрывать.

– Дочь викария? – удалось ему прохрипеть.

– Да. Мы с вами вместе играли, когда были детьми.

– Разве вы не должны быть замужем? Иметь собственную семью? Сколько вам лет?

Ханна побледнела. Джентльмены никогда не расспрашивают даму об ее возрасте, ни один не позволил себе спросить с тех пор, как она стала девушкой. Смущенная и возмущенная, она гордо подняла подбородок.

– Это вас не касается, сэр.

– Определенно касается, когда я обнаруживаю, что сиделка, раздевающая меня, купающая, вручную помогающая мне с моими природными потребностями в течение последних десяти дней, является незамужней женщиной, не состоящей в браке... молодой... *девицей!*

Румянец обжег щеки Ханны от воспоминаний, которые вызвали слова виконта, но она выдержала его взгляд... с достоинством. Сейчас перед ней находился настоящий мужчина, то бодрствующий, то спящий, но он не казался ей таким пугающим, когда был без сознания.

– Я незамужняя девица двадцати семи лет, милорд, – решительно сказала она. – На два года старше вас, и вряд ли кто-то сочтет меня молодой.

– Дело не в этом. Как, во имя бога, ваш отец мог допустить это? Он что-нибудь знает о том, чем вы тут занимаетесь?

– Конечно, он знает, – Ханна отвела глаза в сторону.

– Но предполагает, что вам помогают мистер и миссис Поттс?

– Ну... да. Как я объяснила вам вчера вечером, колени мистера Поттса начали болеть после первых двух дней, и миссис Поттс не в состоянии бегать вверх и вниз по лестнице...

Взмахом руки виконт заставил ее замолчать.

– Почему же тогда вы не нашли кого-нибудь другого, чтобы позаботиться о моих личных нуждах, когда стало очевидно, что чета Поттс не сможет вам помочь? Вы же, конечно, оценили неуместность ситуации?

Ханна резко выдохнула, устав от споров.

– Конечно, я позаботилась бы о том, чтобы нанять помощника-мужчину, но у меня не было возможности заплатить ему.

– Я бы вам возместил.

– Простите мою прямоту, милорд, но после вашего прибытия, шансы на то, что вы выживете, показались мне маловероятными. Мы никого не смогли найти кроме Грейс, согласившейся прийти в поместье Блекторн за плату, которую я не могла гарантировать.

С раздраженным вздохом виконт провел рукой по своим спутанным локонам. Каждый день Ханна уделяла немало времени расчесыванию его темно-каштановых волос. Она даже вымыла их отваром овсянки, чтобы очистить от крови, пыли и мусора, которые накопились за неизвестно сколько недель до его прибытия. И все равно каждое утро его волосы походили на стог сена.

– Боюсь, ваши благонамеренные, но неуместные действия поставили нас обоих в безвыходное положение, мисс Фостер.

Трезвое заявление виконта напомнило ей о противном старом преподобном Хорсте, которого после смерти заменил ее отец, и она скрестила руки на груди.

– Ваша репутация будет полностью скомпрометирована, стоит прозвучать лишь одному слову, – продолжил виконт. – Если этого еще не произошло.

Ханна рассердилась, вскинула руки и уперла их в бока. Казалось, она принуждает виконта к нежеланной помолвке.

– Если бы я не была старой девой – факт, который вы, похоже, отказываетесь понять, – то вам действительно было бы, о чем беспокоиться. Но сейчас единственная репутация, которую

мне стоит защитить, это репутация сознательной дочери викария, которая, могу вас уверить, никоим образом не была скомпрометирована желанием спасти вашу жизнь. – Она не собиралась признаваться в своих сомнениях этому хаму. – Вы бы предпочли остаться умирать на могиле вашего отца?

Ханна пожалела о своих словах сразу, но прежде чем она успела извиниться, он заговорил.

– Почему? – поинтересовался он, и в его тоне скорее звучало любопытство, нежели требование ответа.

– Почему я не оставила вас умирать?

– Нет, – он пренебрежительно махнул рукой. – Одна только христианская благодетель заставила бы вас оказать помощь. Почему вы остались старой девой?

Она была потрясена его бестактностью. Любые опасения в отношении оскорбления его чувств тут же исчезли.

– А вы как думаете, почему? – спросила она, ее слова жалили язык ехидностью. Если этот неприятный человек думал, что она собирается обстоятельно объяснять все причины, то придется долго ждать.

– Ваш кавалер был убит на войне? – спросил он, его дерзость не знала границ. – Вам было запрещено выходить замуж? Ваш отец казался мне вполне благоразумным, как и мать.

– Не было никакого кавалера, моя мать умерла, а отец – разумный человек, который никогда не встал бы на пути моего счастья. Если хотите знать, причина, по которой я не вышла замуж заключается в том, что меня никто не спрашивал об этом.

За последние десять дней Ханна в мыслях стала немного собственницей по отношению к своему пациенту. Она даже допускала возможность, что забота о нем похожа на заботу о муже. Видимо, одиночество не самая худшая участь, способная выпасть на долю молодых леди, поскольку брак с таким человеком был бы невыносим. Он был не плох на вид, но его манеры были ужасающими, не говоря уж о том самом плохом, что он думал о ней.

– Мне жаль слышать, что ваша мать умерла, – через мгновение произнес он, и его кающийся тон несколько смягчил ее гнев. – Я помню ее, как милостивую леди.

– Она была такой. Прошу прощения за комментарий о том, что следовало оставить вас умирать. Моя совесть никогда не позволила бы мне сделать такое.

Виконт отмахнулся от ее извинений.

– Я не хочу показаться неблагодарным за ваши усилия, и я не ставлю под сомнение вашу способность...

– Но вам было бы намного комфортнее с помощником – мужчиной, камердинером или тому подобным, чтобы помочь вам с вашими личными потребностями.

Ханна вздохнула, цвет щек виконта напоминал ей о том, как унизительна для него была эта ситуация. Поставив себя на его место, она содрогнулась.

– Я могу предложить компромисс, милорд?

– Предложите.

– Теперь, когда вы в ясном уме и можете назначить выплату жалованья, я уверена, что смогу найти подходящего кандидата для помощи вам. У вас есть кто-нибудь на примете на роль камердинера?

Он задумался, нахмутив лоб.

– Я хотел бы, чтобы вы послали за моим солдатом-слугой капралом Маркхемом. Ему придется уволиться из армии, и он с радостью примет предложение продолжить свое служение мне.

Ханна засомневалась. Лорд Блекторн оказался не самым простым человеком, и она могла только представить, каким офицером он был.

– У вас какое-то свое мнение? – Он словно прочитал мысли по выражению ее лица.

– Нет. – У девушки не было желания разжигать конфликт заново, но она не могла держать язык за зубами. – Вряд ли можно винить человека в том, что он говорит или делает, когда он не совсем здоров.

Виконт резко вдохнул, отчего у него начался новый приступ кашля. Поднося чашку к его губам, тем самым не позволяя ответить, что он, возможно, как раз собирался сделать, Ханна размышляла о том, как решить их дилемму в более короткие сроки. По правде говоря, она была бы рада, если бы ей больше не пришлось помогать ему в уходе за телом.

– Как скоро вы сможете нанять лакея или кого-то, кто мог бы помочь мне? – спросил Уильям, отодвигая чашку.

– Боюсь, это получится не очень быстро, – ответила Ханна «гениальному» человеку, для которого после съеденного накануне вечером бульона и выпитой травяной настойки проблема была более чем насущной. – Сегодня утром вы выглядите намного крепче, – Ханна указала на бутылку, предназначенную для облегчения естественных нужд лежащим больным. – Как думаете, вы могли бы справиться самостоятельно, пока я подготовлю для вас более основательный завтрак?

Он резко кивнул, воздержавшись от комментариев, и девушка положила бутылку на кровать в пределах досягаемости его здоровой руки.

– Я скоро вернусь, и, пожалуйста, если вам *понадобится* моя помощь, не стесняйтесь спрашивать.

Забрав поднос с отвергнутым бульоном, который она хотела подать на завтрак, Ханна направилась к двери.

– Кое-что спрошу, – заговорил виконт, и девушка повернулась к нему лицом. – Из ваших слов я делаю вывод, что, по мнению местных жителей, действие проклятия Блекторн увеличило свое действие?

– Боюсь, вы правы, милорд. Теперь считается, что проклятие действует на любого, кто посетит поместье, а не только на носителей вашего имени. Хотя своевременная выплата денег за работу должна развеять любые опасения, – добавила она сухо.

– Полагаю, было бы неплохо, если бы хозяин поместья не выглядел таким отвратительным. – Он погладил бороду.

– Возможно. – Когда-то Ханна пришла к такому же выводу, но это не значит, что она заговорила бы об этом, если бы он сам не поднял тему.

– Значит, мы ничего не сможем сделать, пока не приедет Маркхем. Надеюсь, я не слишком напугаю местных своим неопрятным лицом.

– У меня есть опыт использования бритвы, милорд, – Ханна засомневалась, стоит ли об этом говорить. – И, как известно, я могу сделать вполне сносную стрижку, когда парикмахера нет рядом. – Или прихожане отца просто не могут позволить себе заплатить парикмахеру.

Глаза виконта расширились, его смущение было понятно. Благородные барышни обычно не владели таким опытом.

– Вы женщина неожиданных талантов, мисс Фостер.

– Если вы захотите, могу организовать визит парикмахера из Торнтон, но по всей вероятности, он прибудет сюда только через несколько дней.

– Я бы предпочел привести себя в порядок до встречи с потенциальными работниками, – принял решение виконт, а потом с сомнением посмотрел на Ханну. – Но не затруднит ли вас это?

– Я бы не предлагала, если была бы против, – ответила она холоднее, чем намеревалась. За упрямством и переменами в настроении этого мужчины сложно было угадать.

– Спасибо вам, – он сухо кивнул, и Ханна вздохнула. Должно быть, это непросто – просить ее о помощи после осуждения в других действиях.

– Вы окажете мне услугу, милорд. Будет намного легче втирать мазь с окопником и гамомелисом в шрам на вашем лице, когда там не будет волос. Это средство сотворило чудо с вашей ногой.

– Вы втирали мазь мне в бедро?

Его голос звучал потрясенно, и Ханна пожалела о своем признании. Она открыла рот, чтобы оправдаться в своих действиях, но прежде чем заговорила, голова виконта упала на подушку, и он прикрыл глаза здоровой рукой.

– О, неважно, – пробормотал он.

Глядя на его мучения, Ханна размышляла, что для человека, который столько лет провел в военных суровых условиях, он слишком озабочен приличиями.

Глава 7

Встревоженный

Уильям никогда раньше не говорил так грубо с леди, и мог лишь предположить, что его поведение было спровоцировано огромным смущением, помимо всего прочего. Он не мог выбросить из головы видения о прикосновениях Ханна. И, к огорчению виконта, сейчас в его животе свернулся клубок желаний. Одна лишь мысль о том, как ее пальцы массируют его раненое бедро, оказала неожиданное воздействие на его уже, как оказалось, не дремлющее тело. В то время как мышцы на ноге, наконец, расслабились, другая часть его тела была далеко неспокойной.

Благодаря нежелательному наследию, исключаящему какое-либо значимое увлечение, и годами, проведенными на войне, Уильям привык подавлять свои первобытные побуждения. Когда становилось совсем невмоготу, он быстро решал вопрос незначительными мимолетными способами. Сейчас же, принимая во внимание его болезнь, он полагал, что должен быть избавлен от подобных проблем. Однако его тело реагировало на образы и мысли, вызывающие влечение. Мисс Ханна Фостер, дочь викария была совершенно неподходящим кандидатом как для него лично, так и для ухода за больным.

Воспоминания о ее помощи с туалетом вчера вечером быстро спровоцировали неуместные наклонности тела. Это было ужасающе – обнаружить, что человеком, помогающим с самыми сокровенными природными *нуждами*, оказалась леди. И то, что она, кроме всего прочего, была незамужней женщиной, девицей, шокировало. Он не мог понять, почему ей ни разу не поступало предложения. Неужели все здешние джентльмены – глупцы?

Мисс Фостер, возможно, и не считалась первой красавицей, но непривлекательной назвать ее было сложно. Черты ее лица он находил весьма приятными, а карие глаза исключительно красивыми. Не слишком худа, как некоторые из дебютанток, с которыми ему приходилось сталкиваться в городе во время сезона, она выглядела вполне пропорционально с изгибами в нужных местах. Изгибы, о которых он не имел права думать теперь, когда знал, что она свободна.

Изредка в минуты просветления Уильям позволял себе снисходительно оценивать внешность прекрасной сиделки, полагая, что они оба хорошо защищены его неминуемой кончиной и ее браком.

Но он не умер.

А она не была замужем.

И она видела его обнаженным, касалась его.

Застонав, он снова захотел впасть в бесчувствие, но, несмотря на усталость, накатившую после ссоры с дерзкой мисс Фостер, сон ускользал от него. Так может в этом и крылась причина? Ее смелое поведение, должно быть, отпугнуло потенциальных поклонников. Некоторые джентльмены боялись этого. Но только не Уильям. Поскольку он был склонен вступать в споры, женщина, сумевшая ответить ему, дать отпор, впечатляла.

Выражение лица вернувшейся с подносом в руках сиделки было настороженным, но Уильям воздержался от дальнейших извинений. Надеясь, что его более дружелюбных манер будет достаточно, он попытался улыбнуться. Но улыбка тут же исчезла, стоило ей поднять проклятую бутылку, которой он совсем недавно воспользовался. Щеки обоих пылали, когда она вынесла оскорбляющий сосуд из комнаты. Для опытного офицера, капитана гвардейских фузилеров Его Величества, командующего тысячами людей, сражающегося с врагом, было униЗИтельно видеть этот сосуд в руках леди.

Относительно молодой леди.

Несмотря на то, что она называла себя старой девой, Уильям не мог согласиться с этим, стоило ей снова вернуться в комнату. Вздохнув, он не мог отрицать, что находит ее чертовски привлекательной.

– Надеюсь, это вам больше понравится, милорд.

Она поставила поднос с завтраком на прикроватный столик, и его смущение усилилось. Несмотря на то, что дочь скромного викария обычно не вращалась в тех же кругах, что и виконт, она была дворянкой и не должна была прислуживать.

– Спасибо, – поблагодарил он, когда она помогла ему принять сидячее положение. К его огорчению, она проделала почти всю работу сама, пока он пытался отдышаться. В дополнение к своему позору, он вдруг осознал, что вряд ли найдет силы самостоятельно брать еду, которую потребовал от нее. Вареные яйца, тосты и чай выглядели заманчиво, но не было никакой возможности попробовать это, не рассыпав крошки и не пролив чай на свою все еще обнаженную грудь. Нужно попросить у нее ночную рубашку. Не желая признавать, что не способен самостоятельно поднести вилку ко рту, он беспомощно махнул рукой.

– Вы хотите, чтобы я помогла вам, милорд? Пока вы не станете немного сильнее?

Кивнув со смесью нежелания и облегчения, Уильям пришел к заключению, что мисс Фостер могла и не быть дворянкой, но она была истинной леди. Он испытывал искушение позволить ей называть себя своим христианским именем, как это было в их детстве, но быстро отказался от глупой идеи. Это свидетельствовало бы о той степени близости между ними, которую он не осмеливался допустить. Однако мысль однажды услышать звук своего имени, слетающего с ее губ, была заманчивой. Солдаты называли его капитаном, соратники, водящие с ним дружбу, Блекторном, но уже больше десяти лет никто не называл его просто Уильямом.

Осторожно, чтобы не задеть его руку, мисс Фостер присела на край кровати, ее бедро находилось в нескольких дюймах от его. Он вспомнил, что она уже сидела так, когда по ложечке вливала ему в рот отвратительное лекарство. Если рассматривать обычные правила общества, такая позиция считалась бы слишком фривольной, но он не стал комментировать этого, покорно открыв рот.

Его кормили, как младенца, и это должно было послать в мысли Уильяма еще больше стыда, но он был слишком утомлен, что беспокоиться еще и об этом. Умиротворенное выражение лица сиделки успокаивало, как и односторонний разговор с ее стороны, пока он пытался набраться сил для жевания и глотания.

– На улице чудесный весенний день, – она качнула головой в сторону окна. Слегка приоткрытые шторы позволяли бледному золотистому свету проливаться на ковер. Через кружево покрывающее окно он мог разглядеть кусочек голубого неба, что было редкостью даже в это время года.

– Как только вы почувствуете себя лучше, мы выведем вас на улицу, чтобы вы могли насладиться свежим воздухом.

У виконта не хватило духу сказать, что он пресытился жарким солнцем и безоблачными днями на полуострове. Уже несколько месяцев он тосковал по старому доброму английскому дождю.

– Боюсь, сады находятся в ужасном состоянии, – продолжила Ханна, – они оставались без ухода на протяжении многих лет. Мистер и миссис Поттс смогли сохранить только небольшой домашний садик. Но вид через газон – ну, теперь уже не газон, а скорее поле, – на озеро довольно прекрасный. Повсюду распускаются полевые цветы, и некоторым морозостойким розам удалось выжить, поэтому они тоже цветут.

Ее слова озадачили, пока Уильям не вспомнил о пропавших слугах и заброшенном поместье. Ему следовало бы расспросить Ханну обо всем подробно и начать разбираться с делами, но вялость от болезни не могла позволить ему даже заговорить. К тому же дочь викария продолжала класть ему в рот вкусные кусочки, когда он открывал рот.

– Я послала в деревню и округу известие, что поместье ищет работников.

Несмотря на то, что Уильям был благодарен ей за инициативу, он все же не понимал, как ему справиться с выполнением этой задачи.

– Моя сестра Наоми согласилась побеседовать с желающими, – ответила мисс Фостер на его невысказанный вопрос. – Она работает добровольной помощницей в детском приюте в Торнтоне и имеет некоторый опыт бесед с персоналом, поэтому вы можете доверять ее суждениям. После того, как мы отберем самых подходящих претендентов, вы сможете принять окончательное решение, когда почувствуете в себе больше сил. Вы одобряете такое предложение?

Он кивнул, почувствовав облегчение, что сейчас избавлен от решения сложных вопросов.

– Если вы дадите мне адрес, я напишу записку и отправлю за капралом Маркхемом. У меня на примете есть один человек, способный помочь, пока не прибудет капрал, но я не уверена, что вы найдете его подходящим.

Уильям поднял бровь – единственная возможность показать, что он не понимает.

– Тревор Докинс, сын суконщика потерял несколько пальцев на службе у короля. Он хороший молодой человек, и надеялся получить работу лакея в поместье Уэсткоттов, но леди Уэсткотт настаивает только на здоровых слугах...

– Пошлите за ним, – прошептал Уильям.

Улыбка мисс Фостер ослепила, и он заморгал, глупо открыв рот, когда она поднесла чашку с чаем к его губам. Вдруг ее лицо снова стало задумчивым.

– В чем дело? – жестом он показал ей, чтобы она продолжала.

Девушка сделала глубокий вдох, при этом лиф ее платья обтянул грудь, привлекая взор.

– В округе много безработицы и лишений, – посетовала она, отводя взгляд. – Через церковь мы стараемся поддерживать вернувшихся солдат. Трудоспособный мужчина может устроиться в шахту или сезонно на фермы, но те, кто был ранен, потерял конечность, или же его тело испещрено рубцами...

– Вы думаете, я буду сочувствовать их положению?

Его тон намеренно прозвучал провокационно, и Ханна покраснела, на что он и рассчитывал. Ему нравилось, как румянец заливал ее щеки и грудь.

– Некоторые из них вполне способны работать, милорд. Я вовсе не имела в виду, что вы должны заняться благотворительностью.

– Наймите их, – он жестом показал на свое лицо со шрамами и раненую руку. – Чем больше, тем лучше.

Ее ответная улыбка была завораживающей, и он получил удовольствие от того, что вызвал ее, но когда она поднесла ложку с яйцом к его губам, отвернулся.

– Достаточно, – прошептал он, слишком измученный, чтобы продолжать.

– Вы хорошо справляетесь, – подбодрила Ханна, отставляя поднос в сторону. – Я удивлена, как долго вы не спали. Слишком насыщенное утро для человека, который недавно вернулся в мир живых.

Виконт слабо вздохнул, совершенно не желая с ней спорить.

– Миссис Поттс впала в кулинарное безумие, как только узнала, что вы очнулись, поэтому у вас будет достаточно возможностей побаловать свой аппетит, когда он снова вернется, – продолжила Ханна. – Вам нужно восстановить силы в самые кратчайшие сроки.

Уильям надеялся, что она права, потому что множество вопросов требовали его внимания.

Слава богу, с четой Поттс все было в порядке, он беспокоился об остальном персонале. Кроули заплатит за свое вероломство, хотя Уильям не мог не стыдиться, что сам ни разу не вернулся в поместье, чтобы проведать людей, пытавшихся защищать его, когда он был мальчиком.

– Пришло время отдохнуть. – Уильям приподнял бровь, реагируя на приказной тон мисс Фостер, но не имел никакого намерения возражать. Плечо начало пульсировать, и он с радостью позволил ей опустить себя на кровать.

– Тревор будет здесь, когда вы проснетесь, и поможет вам, – добавила Ханна, как только Уильям принял удобное положение.

– А что насчет вас? Когда я проснусь, – пояснил он, видя, что девушка нахмурилась, – вы будете здесь?

– Боюсь, что буду, милорд, – резко ответила она. – Вам нужен человек, чтобы поить вас лекарствами и менять бинты, но я буду держаться подальше. Мистер и миссис Поттс нуждаются в моей помощи, хотя это изменится, как только вы наймете людей в поместье.

Она повернулась, чтобы уйти, но Уильям, не подумав, схватил ее за руку своей раненой конечностью. Было облегчением узнать, что рука все еще функционировала, но движение вышло слишком резким, и виконт застонал от боли.

– Осторожно, – прошептала девушка.

– Я не говорил, что хочу, чтобы вы ушли, – он умудрился пробормотать сквозь стиснутые зубы.

Она аккуратно положила его руку обратно на кровать, но не отпустила ее.

– Я останусь здесь на столько, сколько вам понадобится.

– Предложение побриться и подстричься все еще в силе? – уточнил он, внутренне ругая себя. Бритье лица было очень личным действием, и позволить леди выполнить эту услугу, было явно неразумно. И все-таки он не мог заставить себя отказаться от своих слов.

– Что скажете, если мы приведем вас в человеческий вид, когда вы почувствуете себя немного лучше?

Облегчение и усталость переполняли его в равной мере. Ханна выпустила его руку и убрала волосы со лба, очевидно, желая проверить, не вернулась ли лихорадка. Ее прикосновение было прохладным и успокаивающим. Как прикосновение матери... или любимой. У виконта не было возможности сравнить ни с той, ни с другой.

– Спасибо, Ханна, – пробормотал он, поддавшись искушению произнести ее имя вслух, когда сон почти одолел его.

Глава 8

Предположение

Дыхание Ханны перехватило. Звучание ее христианского имени из уст виконта было неожиданным. Все еще оставаясь у его кровати, она позволила себе несколько минут смотреть на него спящего.

Настроение этого человека оставалось очень переменчивым. В один момент он критиковал ее за неподобающее поведение, а в следующий – практически умолял не уходить. Точно также он вел себя в приступах лихорадки, то обвинял в адских пытках, то ошибочно принимал за небесное создание.

Что касается языка, она понятия не имела, что могут означать некоторые из его проклятий, и у нее не было никакой возможности удовлетворить свое любопытство. Повторение скверных фраз явно не входило в ее планы, если она хотела сохранить свое социальное положение в неизменном виде.

В поведении виконта не было ничего удивительного, учитывая, что она знала о его детстве. Жизнь этого мальчика с грустными глазами, который иногда присоединялся к их с сестрами играм, была далеко не легкой. Несмотря на наследование высокого титула и богатства, количество которого находилось за пределами воображения Ханны, цена, которую он платил за такую привилегию, была непомерно высокой.

Еще до болезни матери, семья Фостер пережила свою долю печали от потери двух сыновей между рождением Ханны и ее младших сестер. Денег никогда не было в избытке. У ее отца, младшего сына в семье Фостеров, не было ничего, кроме призвания. Скромное состояние матери была «съедено» высокой ценой ее болезни. Зато родители Ханны в изобилии *обладали* теплотой и любовью, и они безоговорочно делились этим с детьми.

В то время как виконт родился в семье, существование которой было омрачено трагедиями. Его дед, а после и отец управляли империей, будучи феодалами. Имея порочный характер, отягощенный любовью к крепким спиртным напиткам, дед набрасывался на любого, кто проявлял хоть какое-то недовольство, даже если под руку попадался единственный ребенок – отец Уильяма. Заключив брак в зрелом возрасте со знатной женщиной в обмен на спасение обнищавшего имущества ее семьи, неугомонный лорд не проявлял большого терпения, когда дело доходило до сына, которого она родила ценой собственной жизни.

После смерти деда, случившейся в результате несчастного случая во время скачки на лошади, отец Уильяма, пятый виконт Блекторн, потратил огромные суммы денег, стремясь положить конец проклятию, сделавшему его изгоем в обществе. Постоянный поток восточных мистиков, самопровозглашенных ясновидящих и практиков различных религий, проходил через поместье, и, в конце концов, один из них убедил лорда, что его желание исполнено, проклятие снято... в обмен на баснословный гонорар, конечно. И когда, несмотря на огромные усилия, жена, которую он купил, так же как и отец, умерла от послеродовой горячки после появления на свет Уильяма, виконт Блекторн пятый поддался распутному образу жизни.

Ханна жалела, что не заговорила с Уильямом на похоронах его отца. Она едва узнала высокого молодого человека, каким он стал за годы учебы в школе-интернате, а его хладнокровное, отстраненное выражение лица тогда лишило ее мужества.

– У него никогда не было детства, бедный парень, – говорила миссис Поттс Ханне несколькими днями ранее, когда та ужинала на кухне. – Его няньки никогда не задерживались надолго, изгнанные отцовским нравом и распущенными руками. Последняя ушла, когда хозяину было всего четыре года, и отец отказался нанять новую. Говорил, что мальчик уже достаточно взрослый и способен позаботиться о себе самостоятельно.

– В четыре года? – Ханна даже не потрудилась скрыть возмущение. – Но он же еще был совсем маленьким. Кто же заботился о нем?

– Мы все понемногу, – вздохнула миссис Поттс. – Но нам нужно было оставаться осторожными. Если бы виконт пронюхал, что мы каким-то образом «портим» парня, он бы пришел в ужасную ярость. Мы бы справились с потоком проклятий, выливающих из него, но рядом был маленький Уильям, на голову которого обрушивалась основная часть гнева. Его светлость выбрал самого сурового воспитателя обучать мальчика, а затем, когда Уильяму исполнилось десять, отправил в школу, отказывая парню в разрешении возвращаться домой, кроме как на Рождество. Не сказать, что в этом доме отмечали такой праздник... ну, по крайней мере, не так, как подобает для ребенка. После смерти отца мистер Кроули взялся за дело, Уильям был отправлен обратно в школу, и мы больше не слышали о нем. Не могу сказать, что виню его. Кто захочет вернуться к этой груде старых мрачных камней после всего пережитого?

«Действительно, кто», – размышляла Ханна, возвращаясь к своему больному с еще большей решимостью заботиться о нем. Конечно, ей было легче, когда он оставался без сознания и не жаловался на ее присутствие.

– Уильям, – прошептала она, позволив себе назвать его по имени так же, как и он ее.

Предупреждение Грейс о том, что часто пациент влюбляется в свою сиделку, постоянно всплывало в мыслях Ханны. Привыкшая к скрупулезной честности во всех своих делах, она признавала, что в этот раз риск был обоюдным. Несмотря на то, что виконта сложно было назвать красивым, в нем было что-то, что пробуждало ее женские инстинкты. Мужчина его положения никогда не заинтересуется такой женщиной, как она. Но иногда она ловила его внимательный взгляд, словно была *важна* для него. Немного поразмыслив, Ханна поняла, в чем была его потребность.

Лишенный любви и материнской заботы в детстве, виконт жаждал зрелого, заботливого женского общества. Удовлетворенная найденным решением головоломки, Ханна убрала с его лба слишком длинную челку. Хоть и на время, но она с удовольствием заняла бы место в жизни виконта – место старшей сестры. Они могли бы даже подружиться, если он, конечно, научится контролировать свой отвратительный нрав.

Вернувшись на кухню с оставшимся на подносе завтраком виконта, Ханна обнаружила своего отца и сестер, сидящих за кухонным столом вместе с четой Поттс. Игнорируя внезапный приступ тошноты, она улыбнулась. Ее семья и супруги Поттс были на кухне не одни: две девушки, которых Ханна видела в деревне, чистили овощи и мыли посуду под наблюдением миссис Поттс.

С тех пор как Ханна переехала в поместье, Рэйчел и Наоми несколько раз навещали ее, желая узнать, как она поживает, и передавали соответствующие обнадеживающие сообщения отцу. У самого виконтария не хватало свободного времени, чтобы заглянуть в поместье, все силы уходило на нужды прихожан... на заботы, которые обычно брала на себя старшая дочь.

– Ханна, ты абсолютно уверена, что виконт выживет? – тут же спросила Наоми, стоило девушке войти в комнату. – Желающие работать выстраиваются в очередь у ворот, чтобы занять озвученные мной места, но я не хочу больше обнадеживать людей, если мы не можем гарантировать оплату.

Ханна вздохнула от привычной резкости своей златовласой сестры. Отсутствие приданного было не единственным препятствием для того, чтобы Наоми нашла подходящего мужа.

– Грейс считает, все самое плохое позади, – объяснила Ханна. – Лихорадка у виконта прекратилась, и он дал молчаливое согласие на наем прислуги. – Точнее на прием мужчины, готового занять ее место, – не стала произносить она вслух при отце. – Что касается жалова-

нья, возможно, будет небольшая задержка. Полагаю, его светлости *нужно* связаться со своими адвокатами для организации финансирования, ведь он прибыл сюда лишь с тонким кошельком. У мистера Кроули есть доступ к фондам недвижимости, но я не уверена, будет ли он продолжать работать на мистера Блекторна – кажется, он действовал, не получив одобрения. Лорд Блекторн, похоже, не имеет ни малейшего понятия о том, что здесь происходило.

– Как он мог не знать? – удивилась Рэйчел, но Ханна не ответила младшей сестре. Будучи еще совсем маленькой девочкой, когда их мать заболела, сейчас Рэйчел стала красивой молодой девушкой с чертами лица более нежными, чем у Ханны. Она не завидовала красоте своих младших сестер, но очень беспокоилась об отсутствии такта у Рэйчел.

– Виконт проснулся всего лишь на короткое время, – напомнила им Ханна. – У меня не было возможности обо всем расспросить его.

– Уверен, со временем мы получим все ответы, – викарий поднялся, чтобы обнять дочь. – Мы скучаем по тебе дома, – добавил он, неопределенно глядя на Ханну. – Мистер Поттс рассказал мне, как плохо он и миссис Поттс чувствуют себя, и что без тебя им не справиться. Тебе не кажется, что лестница для них слишком высокая?

– Но мы справляемся, не так ли? – Ханна посмотрела на своих помощников в надежде, что они кивками подтвердят ее слова. – И Томми оказал большую помощь. – По правде говоря, она не была уверена, стоит ли на девятилетнего ребенка возлагать огромный объем ответственности, тем более связанный с заботой о личных потребностях виконта. – Во всяком случае, скоро все изменится, – пообещала она, присаживаясь за стол и надеясь, что ее следующие новости облегчат невеселые заботы отца. – Его светлость попросил меня послать за его военным камердинером, а также дал разрешение нанять Тревоора Докинса в качестве временного камердинера до прибытия капрала Маркхема.

– Это отличные новости. – Лицо ее отца засветилось от широкой улыбки, и Ханна тихо вздохнула. Докинсы были уважаемыми прихожанами, и дополнительный доход, не говоря уж о возможности для их сына найти приличную работу, несмотря на военные травмы, стал бы очень радостным событием.

– Оставит ли виконт Тревоора после прибытия его камердинера? – поинтересовалась Наоми.

– Он сказал, что примет и других раненых солдат, которых мы выберем. Они будут служить у него до тех пор, пока смогут доказывать свою надежность и способность своевременно выполнять необходимую работу.

– Я говорила вам, что он не похож на своего отца, упокой, господи, его душу. – Миссис Поттс повернулась к деревенским девушкам, которые перестали работать, чтобы послушать Ханну. – Можете сказать матерям, что вам не стоит бояться нового виконта. Он – настоящий джентльмен, правда, мисс Ханна?

– Конечно, – подтвердила она, предпочитая не упоминать о его порой проскакивающем красноречии и вспльчивом характере. Несмотря на все обнаруженные недостатки, дочь викария не могла поверить, что виконт вырос жестоким человеком и способен обмануть довершившихся ему людей. Хотя, на всякий случай, она скрестила за спиной пальцы для гарантии.

– Я составил список работников, которые нам могут понадобиться, – мистер Поттс указал на лист, в котором Наоми делала пометки. Несколько горничных и лакеев, еще одна кухарка, чтобы помогать миссис Поттс, кухонные подмастерья, прачка, конюх, а также несколько садовников и помощники, которые начнут приводить в порядок территорию.

Глаза мистера Поттса заблестели, и Ханна подумала, что он вспоминает те славные времена, когда в поместье кипела жизнь.

– Нам понадобятся дворецкий, старший конюх, главный садовник и новая домохозяйка. Я немного старовата для этого, – миссис Поттс грустно улыбнулась. – Вероятно, нам нужно сообщить в городе о том, что мы ищем старших сотрудников.

– Все эти люди будут работать на одного человека? – глаза Рэйчел расширились. – Должно быть, он ужасно избалован.

– Нисколько. – Ханна изо всех сил старалась удержать гнев в себе, ее терпение по отношению к сестре заканчивалось. – Виконт провел в армии несколько лет и, несомненно, терпел много лишений. Я уверена, он вполне способен позаботиться о себе, принимая минимальную помощь.

– Но поместье такого размера требует целой армии людей, чтобы содержать его в порядке, – отметил отец.

– О да, – кивнул мистер Поттс. – Если его светлость решит восстановить конюшни, возделывать сельхозугодия и снова видеть стада на лугах, нам понадобится целый штат рабочих. Потом нужен персонал, чтобы открыть гостевое крыло для посетителей и бальный зал для развлечений. А если он захочет сначала отремонтировать все – это будет целый бум для деревни.

– Сможет ли он позволить себе все это?

Вопрос Наоми заслужил упрекающий взгляд от отца, поскольку считалось грубым обсуждать богатство другого человека... или его отсутствие. Но это, конечно, не мешало большинству людей размышлять о достатке других, вне зависимости от положения в обществе.

– Поместье бездействовало много лет, – продолжила Наоми, нисколько не смутившись. – Удивительно, что виконта не настораживало отсутствие дохода.

– Вряд ли мистер Кроули задумывался о сельскохозяйственной стороне вещей, – заметил мистер Поттс. – Растениеводство и животноводство – сложный бизнес, и он мог легко придумать всевозможные оправдания отсутствию прибыли. Подозреваю, он прикарманивал деньги, которые должен был потратить на жалованье рабочим в шахтах, на улучшение условий и тому подобное. Думаю, он полностью выработывал шахты с ценными горными породами, закрывал их и открывал новые. Я был бы удивлен, если бы виконт знал хотя бы о половине происходящего на его земле.

– То безобразные места, – лицо Рэйчел вытянулось, но, вместо того чтобы упрекнуть сестру, Ханна перегнулась через стол и накрыла ее руку. Она говорила правду; старшая дочь викария содрогнулась от мысли о суровых условиях существования рабочих в шахтах, многие из которых были еще детьми.

Наоми нахмурилась.

– Если виконт потворствовал тому, как управляли его владениями все эти годы, то он ничем не лучше своего отца. Неужели никто и никогда не пытался связаться с ним и рассказать, что происходит?

– Много раз, – в унисон ответили миссис Поттс и викарий.

– Но все письма проходили через руки мистера Кроули, – со вздохом предположила Ханна. – Я уверена, что виконт все изменит к лучшему теперь, когда он знает, что здесь творится. Как только полностью восстановится, – добавила она в надежде, что милорд не подведет их.

Уильям отсутствовал более десяти долгих лет и вернулся только потому, что готовился умереть. И она не винила его. Ведь в дополнение ко всем пережитым страданиям в этом доме, вся округа относилась к нему с презрением, даже несмотря на то, что он был всего лишь ребенком. Факт этого Ханна сочла предосудительным. Ей необходимо убедить милорда, что люди изменились, что его присутствие желанно, и ему необходимо вложить свое время и финансы в общество, которое когда-то не приносило ему ничего, кроме горя.

Ханна снова скрестила пальцы, размышляя о своих надеждах. Память о жестоком предке виконта, о суровом управлении мистером Кроули все еще была свежа в умах местных жителей, на этой волне они могли поверить, что новому виконту можно доверять. Хотя проклятие, нависшее над его головой, вряд ли можно назвать вдохновляющим наследием, и Ханна задава-

лась вопросом, не пожалеет ли виконт о своем возвращении в поместье Блекторн, если все же решит остаться. Возможно, он примет решение снова отвернуться от них.

Глава 9

Ответственность

Проснувшись, Уильям чувствовал себя намного лучше, хотя отсутствие мисс Фостер на обычном месте в кресле рядом с кроватью расстраивало. Он осмотрел комнату и понял, что она пуста. Мысль, что он испугал девушку своим не очень приветливым поведением, заставляла сердце колотиться. Потом он вспомнил об ее обещании привести раненого солдата в качестве временного камердинера и продолжить выполнять свои обязанности по уходу за его раной. В одном он был уверен: мисс Фостер не из тех, кто просто покидает больных.

Ханна.

Тайно в своих мыслях он позволял себе называть ее христианским именем. Нравилось звучание, а еще он восхищался его владелицей. Ему следовало настоять, чтобы она ушла, как только придет его новый помощник, но он практически умолял ее остаться. Сейчас Уильям был еще далек от выздоровления, и Ханна утверждала, что она единственная, кому можно доверить давать ему лекарства – отвратительные смеси – и лечение быстро заживающей раны. До тех пор, пока у него будет подходящий помощник для удовлетворения личных потребностей, он не видел никакого вреда в ее присутствии. Во всяком случае, он не хотел этого признавать.

В процессе беспокойного ожидания возвращения дочери викария, тело Уильяма дало о себе знать одной из тех известных природных нужд. После употребления твердой пищи один бог знал, через какое время активизируются пищеварительные процессы. К сожалению, сейчас Уильям сомневался в своей способности добраться до тайной комнаты в дальнем конце чрезвычайно длинного коридора за пределами покоев. По правде говоря, он даже сомневался, что сможет добраться до двери спальни. Очень жаль, что за время его отсутствия так и не отремонтировали современную комнату для купания, расположенную рядом со спальней, сейчас она пришлась бы весьма кстати. Почему вместо отреставрированных стен и дверей он видит старый хлам. Нужно будет разобраться, в чем причина.

Эта мысль привела Уильяма в замешательство.

Он больше не собирался умирать.

И возвращаться к прежней жизни в армии тоже.

Из-за раненой ноги его могли уволить из армии несколько месяцев назад, если бы не упорное сопротивление виконта. Но Уильяма ни за что не примут назад с едва двигающейся рукой.

Это не входило в его намерения, но по сути вышло, что виконт вернулся в поместье Блекторн... *жить*.

Застонав от боли, которую вызвало движение, Уильям при помощи здоровой руки поднялся в сидячее положение, а затем опустил ноги на пол. Его сознание поплыло, а дыхание сбилось.

– Лорд Блекторн, что вы делаете?

Радость от возвращения мисс Фостер была омрачена затруднительным положением. Видеть перед собой даму в таком ослабленном и едва одетом состоянии было до крайности унижительно. Не обращая внимания на приличия, она бросилась к нему и обхватила за обнаженную талию. Но вместо того, чтобы упрекнуть девушку, он упорно молчал, в то время как предательское тело упивалось ее близостью.

Господи, как хорошо она пахла!

А он, скорее всего, нет.

– Мне нужно принять ванну, – пробормотал он. И сорочку, и бритье, и сытную еду, но разве сможет он бодрствовать так долго, чтобы успеть сделать все это.

– Поэтому вы пытались встать?

Так близко. Он видел золотые вкрапления в ее коричневой радужной оболочке и слабые линии морщинок по углам ее прекрасных глаз. Ханна не обладала наивным взглядом молодой дебютантки, приступающей к своему первому сезону, но в ней он находил предпочтительные качества – характер, интеллект и, как он подозревал, превосходное чувство юмора. И сейчас она беспокоилась о нем.

– Думаю, принимать ванну немного преждевременно, милорд, – продолжила она, когда он не ответил. – Тревор Докинс прибыл, сейчас он заселяется в комнате прислуги. Я бы попросила его подготовить вам ванну, но потребуется время, нагреть воду и поднять ее наверх. Подскажите, где ванна вашего отца, скорее всего, ее нужно почистить.

– Это может подождать, – ответил Уильям, все еще тяжело дыша. Он объяснял свое никак не восстанавливающееся дыхание резким подъемом с кровати, хотя не мог отрицать, что близость Ханна была основной причиной. – Честно говоря, не уверен, что способен встать и принять ванну. Я просто отметил свой несвежий аромат.

– Я могу обтереть вас губкой?

Глаза Уильяма расширились. Его мысли наполнились образами ее рук на его теле: одни пришли из сводящей с ума памяти, другие – от внезапно разбогатевшего воображения. Неужели после того, как Ханна вернула его к жизни, она снова решила его убить?

– Я понимаю ваши опасения из-за врожденной скромности, милорд, и это справедливо, – добавила девушка, заметив его болезненный взгляд. – Если хотите, я могу попросить мистера Докинса помочь вам?

– Да, но я хочу, чтобы брили меня вы, – здравый смысл полностью покинул его. – Мне не нравится мысль, что человек без пальцев будет царапать мое лицо лезвием. – Насколько он догадывался, молодой человек вполне мог выполнить задачу с бритьем, но не собирался признаваться в этом мисс Фостер.

Она кивнула.

– Хорошо. Почему бы вам не прилечь и не отдохнуть, пока я все подготовлю?

Мысль была заманчивой, но он покачал головой, когда тело напомнило, для чего он, собственно, пытался подняться.

– Скоро Докинс будет здесь?

– Скоро. Я могу послать Томми, сына Дженкинса за ним, если возникли проблемы, и если это не может подождать, – она указала на глупую бутылку, лежащую на столике у кровати.

– Дело не в этом, – пробормотал виконт Блекторн, чувствуя, как жар приливает к щекам.

– О, я понимаю, – прошептала Ханна, тоже покраснев, но он был слишком смущен, чтобы оценить это. – Не волнуйтесь. Это хороший знак, он подсказывает, что вы находитесь на пути к восстановлению, – произнесла Ханна со слабой улыбкой.

Ее слова подарили ему надежду, что прежде она не помогала ему и с этой проблемой тоже, пока он был недееспособен. Некоторые вещи просто невозможно вынести.

– Я попросила Томми помочь установить горшок за ширмой, чтобы вы могли им воспользоваться. Он хорошо прикреплен к стулу, поэтому вам будет удобно.

Она указала на новую вещь в комнате: женскую ширму из трех панелей, украшенную восточными произведениями искусства. Должно быть, ее принесли из редко используемых хозяйских комнат, так как ни одна из жен Блекторнов не прожила достаточно долго, чтобы оставить воспоминания о себе в остальной части поместья. Ханна все предусмотрела, но виконт не был уверен, что сможет пройти даже такое небольшое расстояние без посторонней помощи.

Избегая ее взгляда, он тяжело вздохнул, а затем спросил:

– Вы могли бы помочь мне пересечь комнату?

– Конечно.

Чувствуя ее руку, обнимающую его талию, и положив здоровую руку на плечо девушки, он неуверенно поднялся на ноги.

– Может, нам стоит подождать Докинса? – предложила девушка, когда виконт навалился на нее. Она была хрупкой, а он возвышался над ней, несомненно, вдвое превышая ее вес.

– Не могу, – пробормотал он, пошатываясь. Слабый, как проклятый котенок, он чуть не упал на пол. Его травмированная нога болела, хотя он должен был признать, что не так сильно, как он ожидал, пролежав столько времени без движения. А вот рука вызывала настоящую агонию.

– Нужна перевязь, – произнес он, задыхаясь и прижимая руку к груди, чтобы облегчить раздражающую боль.

– О, мне следовало подумать об этом. Простите. Вы можете постоять минутку?

Он резко кивнул. Ханна руками поддерживала его за талию, пока он отчаянно пытался не думать о том, что ее мягкие пальцы прикасаются к его обнаженной плоти. Для девицы она выглядела на удивление непоколебимой, но у него не было желания проверять ее пределы. Если его тело выберет именно этот момент, чтобы предать его видимым ответом на прикосновения, он сомневался, что когда-нибудь оправится от смущения.

Уильям фыркнул. Беспokoиться было совершенно не о чем. В своем ослабленном состоянии он вообще едва держался на ногах, о других приподнятых состояниях не могло быть и речи.

Ханна отпустила виконта, только чтобы схватить ткань с буфета и сделать из нее большой треугольник, связав его вокруг шеи.

– Спасибо. – Он вздохнул с облегчением, когда импровизированная повязка уменьшила вес руки, а затем неохотно принял помощь девушки. Дело не в том, что он не наслаждался ее прикосновениями – в конце концов, он был мужчиной, – но обстоятельства были далеки от идеала.

Мучительно шаг за шагом они добрались до угла огромной комнаты. Уильям покачал головой, удивляясь нелепости хозяина дома, построившего такую необъятную спальню. Не было никакой уверенности, что кто-то из предшественников делил эту комнату, например, с женой – поскольку традиции диктовали, что муж должен посещать отдельную спальню жены как можно реже и как можно короче, а потом возвращаться в свои владения.

К его облегчению, сиденье было снабжено крепкими поручнями, и он быстро заверил мисс Фостер, что справится самостоятельно. В такой момент думать о ней, как о *Ханне*, не могло быть и речи.

– Дайте мне знать, когда удачно сядете, – попросила она с другой стороны ширмы, вызывая в свой адрес злословие. – Я все слышала, – добавила она.

– Мои извинения, мисс Фостер, – закатил он глаза, чувствуя себя провинившимся школьником.

– Я схожу, потороплю Докинса. Обещайте, что дождетесь нашего возвращения и не попытаетесь встать самостоятельно!

В ответ из-за ширмы донеслось рычание, хотя он и не собирался слушаться ее. Вальсировать по комнате без посторонней помощи после спектакля, который он только что устроил, вряд ли было приемлемым вариантом развития событий.

Встреча с новым камердинером, сидя на горшке, как на троне, полуодетым и с полностью дикой внешностью, совершенно не способствовала внушению уважения. Но вскоре молодой человек с военной выправкой попросил разрешения зайти за ширму, и его лицо сохранило беспристрастное выражение.

– Тревор Докинс, милорд, – кивнул он. – Линейная пехота, двадцать седьмой полк.

– Приятно познакомиться, Докинс. Теперь помогите мне встать с этого проклятого стула, – попросил Уильям, стараясь избегать зрительного контакта.

Тревор был среднего роста и телосложения, что делало его на несколько добрых дюймов ниже Уильяма. Но, к счастью, его новый камердинер не испытывал недостатка в силе и хорошо поддерживал виконта при возвращении в кровать. В последний момент в комнату вошла Ханна и попросила пересадить его на мягкий стул рядом с ней.

– Если у вас есть силы, я подумала, что мне будет проще побрить вас, пока вы сидите, а не лежите. В противном случае мне придется взобраться на вашу кровать, без этого никак.

Уильям подавил смешок, решив, что молчание – единственный приемлемый ответ.

– Докинс, после того, как вы разберетесь с этим, – Уильям жестом указал в угол комнаты, где стояла ширма, – не могли бы вы найти мне рубашку?

– Конечно, – тут же кивнул Докинс, и Уильям вздохнул с облегчением. По крайней мере, ему больше не нужно беспокоиться, что этим вопросом будет заниматься мисс Фостер.

Пока Докинс выполнял приказ, Ханна накрыла виконта простыней и приготовилась к бритью.

Чтобы восстановить гардероб прежнего уровня, следовало послать в Лондон и организовать визит портного. Уильям никогда особенно не был модником, офицерской формы было достаточно для большинства случаев.

– Посмотрим, сможем ли мы найти чистое белье его светлости, – пробормотала Ханна, когда Тревор вышел из комнаты.

Уильям застонал. Придет ли когда-нибудь конец его позору? Избитая гордость вынуждала поблагодарить девушку за помощь, а потом вежливо попросить уйти. Но другая его сторона, любящая страдать, о существовании которой он не подозревал, заставляла продлевать его мучения, решив наслаждаться присутствием Ханны, в независимости от того, насколько это разумно.

– Готовы, милорд? – спросила дочь викария.

Он кивнул, и она, обернув полотенцем его шею, начала намыливать лицо. Независимо от того, забывала ли она или намеренно не обращала внимания на его мучения, ее спокойствие и увлеченность делом помогли ему хоть немного успокоиться.

– Миссис Поттс на седьмом небе от счастья, теперь у нее есть помощь на кухне, – Ханна нарушила тишину. Ее губы напряглись, когда она сделала первое движение лезвием.

Уильям жадно наблюдал за ней, пока она продолжала сообщать подробную информацию о количестве нанятых работников.

– На ужин куриная запеканка и рисовый заварной крем на десерт.

– Без обеда? – он нахмурился. Как, по ее мнению, ему идти на поправку, если он будет пропускать приемы пищи?

– Вы проспали весь день напролет. Для обеда уже довольно поздно.

Уильям посмотрел в окно, угасающий свет доказывал правоту слов Ханны.

– В следующий раз будите меня, – попросил он, его тон был похож на приказ.

– Отдых, скорее всего, более важен на данном этапе выздоровления, но я послушаю, что скажет Грейс завтра утром.

Не привыкший к возражениям, он открыл было рот, чтобы начать спорить, но она закрыла его, приложив палец к подбородку, и намылила ему губы. Вынужденный промолчать, виконт уже не в первый раз послал ей свой самый грозный взгляд. К его одновременному приступу гнева и огорчения, она не обратила на это абсолютно никакого внимания.

Дыша через нос, он пытался расслабиться, пока она состригала самую длинную бороду, которую он когда-либо отращивал в жизни. Он не задумался бы об этом, если бы не задался вопросом, что она подумает о шрамах, которые проявятся благодаря ее усилиям.

– Вы хотите оставить усы? – уточнила девушка, тщательно поработав над его шеей, челюстью и щеками.

Он отрицательно покачал головой. Будучи офицером, Уильям носил усы, чтобы выглядеть старше – и яростнее, – но в нынешней ситуации не видел в них никакого смысла. Бог видит: чтобы завоевать признание в этом месте – что виделось ему невыполнимой задачей, – чем цивилизованней он будет выглядеть, тем лучше. Не то чтобы бритые и стриженные могли творить чудеса.

Поначалу осторожно держась на расстоянии, Ханна, казалось, постепенно забылась во время работы. Мелодично напевая, она могла упереться ногами о ноги Уильяма, ее грудь изредка задевала его плечо и грудь. Он был уверен, что она и не подозревала о своих действиях. Тем не менее, из-за ее нежных прикосновений, успокаивающего аромата и вида женской фигуры, маячившей прямо перед глазами, реакция тела была неизбежной. По крайней мере, простыня очень удобно все скрывала.

«Тот, кто играет с огнем, обязательно сгорит». Уильям не мог отрицать влечение, испытываемое к своей сиделке. Возможно, прежде он и не чувствовал влюбленности, но прекрасно мог распознать признаки, и сейчас ему было так тяжело бороться с этим. По правде говоря, когда-то давно он *ощущал* нечто подобное. Память заставила его губы изогнуться в улыбке, отчего он чуть не заработал порез лезвием.

– Не шевелитесь, – отругала его Ханна, ожидая, когда он перестанет ухмыляться.

Единственный раз, когда он позволил себе испытывать чувства к девушке, он был еще ребенком. Тогда, как и сейчас, объектом его интереса была мисс Ханна Фостер. Он вспомнил, как боготворил ее, позволив этим воспоминаниям возродиться впервые за почти пятнадцать лет. Ее дружба много значила для него, ее золотые волосы, теплая улыбка и уверенная манера поведения породили его восхищение годы назад, так же как и сейчас.

После отъезда в интернат места таким нежным эмоциям не осталось. Отец отказывал в просьбе вернуться домой – позволял приезжать только раз в год, – и то Уильям еле переносил его вид. И тогда молодой виконт внушил себе, что его отсутствие в поместье – настоящее благословение, спасающее от огромного количества упреков, как словесных, так и физических.

Его способ справляться с одиночеством заключался в блокировке всех воспоминаний о доме, и приятных в том числе, если вдруг они возникали. К тому времени, когда он вернулся домой на похороны, наставники и прочее окружение заставили его мучительно осознать свое наследие, и он поклялся никогда не идти по стопам предков.

Когда Ханна с выражением сострадания на лице приблизилась к нему, сидящему у края могилы, Уильям сделал вид, что не узнал ее.

В этот раз он не сможет забыть прекрасную девушку. Мучил единственный вопрос: как он перенесет боль от ее неизбежного ухода.

– Почти закончили, – Ханна старалась приободрить виконта, который постоянно хмурился.

Проведя предыдущие десять дней наедине со своим пациентом, она была поражена, насколько смущающим могло оказаться простое бритье. Скольжение лезвия по щекам и точечной линии челюсти не могло быть более интимным, нежели другая помощь, уже оказанная ею. Но по какой-то причине все чувствовалось именно так. Виконт изучал каждое ее движение, что было вовсе не удивительно, учитывая, что она держала острый клинок у его горла, и это усиливало ее смущение. Всякий раз, когда их тела соприкасались, чего она при всем желании не могла полностью исключить, странное ощущение возникало на ее коже. Чтобы успокоить

нервы, она напевала песню и радовалась, что мужчина не жалуется. Однако к тому времени, когда работа была закончена, она почувствовала, что стала совсем другой.

Полностью поглощенная работой, она не обращала внимания на то, что в итоге получается. Вытерев влажным полотенцем остатки мыльной пены с лица и шеи, Ханна сделала шаг назад, чтобы рассмотреть лицо виконта. Он внимательно наблюдал за ней, и когда она неожиданно выдохнула, поднял руку, чтобы прикрыть шрам, пересекающий правую сторону лица от брови до линии подбородка.

– Нужно было оставить бороду.

– О нет. – Она потянулась к его руке, но остановилась, когда он вздрогнул. Огорченная тем, что, возможно, обидела его, Ханна поспешила объяснить свою реакцию. – Меня не беспокоит ваш шрам, милорд. Его было видно даже под бородой.

– Тогда к чему этот полный ужаса взгляд?

– Это не ужас, а удивление. Не ожидала увидеть в вас мальчика, которого когда-то знала. Вы сильно изменились после похорон отца, но многое осталось.

По правде говоря, она была шокирована тем, насколько он красив. Не классической красотой – его лицо было слишком грубым и обветренным, чтобы быть похожим на Браммея или на кого-то подобного ему. Знания Ханна о *чопорной* английской моде были ограничены случайными сплетнями, подслушанными на званых вечерах, а она уже целую вечность не посещала их. Ее личное мнение заключалось в том, что его сильная челюсть и четко очерченный рот прекрасно гармонировали с темными глазами и аристократическим носом.

– В тот день я тоже узнал вас, – хрипло признался он, выражение ее лица выявило смятение. – Когда вы играли на органе в часовне.

– Но вы даже не знали моего имени.

– Я был... не уверен.

– Понятно, – пробормотала она, гадая, насколько хорошо он помнит об их детской дружбе.

– Значит, это выглядит не слишком дико? – он жестом указал на свой шрам, неуверенность в его голосе вызвала сострадание.

– Вовсе нет. Я думаю, он вам идет.

Виконт фыркнул.

– Лгунья.

Глаза Ханна широко распахнулись в ответ на обвинение, хотя она была рада заметить намек на улыбку на его дрогнувших губах.

– В самом деле, милорд. Вы обвиняете дочь викария во лжи?

– Наглой лжи, – добавил он, улыбаясь чуть шире.

– Хочу, чтобы вы знали: я никогда не вру, – посмотрела она на него с притворным негодованием. Он поднял одну бровь, и она добавила: – Ну, если только в самых редких случаях, чтобы защитить чужие чувства.

Он многозначительно посмотрел на нее, и она поняла ошибку в своих словах.

– Конечно, я не лгала, чтобы пощадить *ваши* чувства.

– Конечно. Вы просто находите шрамы на лице очень привлекательными.

– На вашем лице, – добавила она, а затем моргнула, взволнованная признанием. – То есть, я хотела сказать, – она глубоко вздохнула, – что шрам на джентльмене вполне может украшать его, особенно когда он заработан в честном бою, в то время как дама с таким дефектом может стать только объектом жалости.

– По-вашему, я не достоин сожаления?

Выражение лица было забавным, но за вопросом Ханна почувствовала неподдельное любопытство.

– Едва ли. – Она взяла гребень и принялась расчесывать его запутанные локоны, готовясь к стрижке. – Несмотря ни на что, вы выжили даже с такими ужасными травмами. Я бы сказала, что вам повезло. Бог даровал вам второй шанс.

– Для чего?

Ответ, казалось, был очевиден, и она выпалила его, не задумываясь.

– Для жизни и создания вашей будущей семьи, – сказала она и замерла.

Уильям отвел взгляд, цвет сошел с его щек.

– Думаю, не для этого, – пробормотал он.

– Простите меня. Я не имела в виду...

– Это не имеет никакого значения, – он махнул рукой, изображая безразличие, но за каменным выражением лица не могла скрыться боль.

Сердце Ханны сжалось. Последнее, что она хотела сделать, это причинить ему боль.

– Стрижка может подождать. Помогите мне вернуться в кровать.

– Конечно, милорд, – прошептала она, чувствуя себя достойно наказанной. – Я скажу Докинсу, что вы готовы принять ванну.

– Это тоже может подождать. Я хотел бы поужинать, и думаю, на сегодня достаточно.

Тон Уильяма звучал равнодушно, а Ханна была просто рада, что он не прогнал ее совсем. Хотя, возможно, и должен был.

Несмотря на то, что она взяла весь уход за матерью на себя на протяжении долгих лет ее болезни, воспитывала сестер и до сих пор преданно старалась поддерживать своего иногда рассеянного отца справляться с горем и обязанностями, это не значило, что она несет ответственность за выздоровление виконта.

Проблема Ханны, с которой она столкнулась, извинившись и отправившись за ужином, заключалась в том, что она *хотела* нести эту ответственность.

Глава 10

Сожаление

Атмосфера оставалась напряженной до конца вечера. Стоило Ханне еще раз извиниться, виконт отмахнулся.

– Я просто устал, – сказал он, но Ханна понимала, что ее слова очевидно слишком глубоко ранили его. – Я ценю вашу внимательность, но вам не нужно ночевать в кресле, – произнес он, когда наступил вечер. – Предлагаю воспользоваться одной из гостевых комнат, можете перенести туда вашу одежду и другие вещи. Вы отдохнете гораздо лучше в нормальной постели.

– Но что, если вам понадобится помощь?

Докинс указал на один из проходов, ведущих к огромной спальне.

– В раздевалке есть небольшая кровать, я могу воспользоваться ею. Я чутко сплю, оставлю дверь открытой и услышу его светлость, если он проснется.

– Какая замечательная идея. – Ханна чувствовала себя глупо; конечно она не собиралась признаваться, что будет ощущать себя менее комфортно вдали от своего своенравного пациента. Несмотря на улучшение в его состоянии, она все еще опасалась оставить виконта без присмотра. – Ты придешь и разбудишь меня, если я понадобится? – спросила она молодого бывшего солдата, который оказался вполне способным выполнять свою работу, несмотря на травмы.

– Конечно, мисс Фостер.

– Спокойной ночи, мисс Фостер, – виконт подтвердил свои слова решительным кивком, и Ханна неохотно ушла.

Просыпаясь несколько раз среди ночи, она вздрагивала – ей казалось, будто ее звал Уильям. Она чувствовала себя более чем обеспокоенной, когда вошла в его спальню следующим утром на рассвете.

– Доброе утро, милорд, – сказала она, обнаружив его уже сидящим в кровати. Забеспокоившись о своем внешнем виде, Ханна пригладила рукой волосы, чтобы убедиться, что ни один волосок не выбился из ее плетеной прически. Она остановилась на полпути между дверью и кроватью и сделала реверанс.

Уильям возмущенно отмахнулся: – Не нужно так делать. Вы же не служанка.

– Может, и нет, но мой статус значительно ниже вашего. Дочери викария полагается кланяться виконту.

– В таком случае давайте подождем, пока я смогу встать, чтобы поклоном выразить вам свое почтение в ответ. Я чувствую себя достаточно грубым, лежа в кровати перед дамой.

– Мы не гости в вашем доме на приеме в саду, милорд. Я *присутствую* здесь в роли сиделки.

– Эту ситуацию я вряд ли забуду. – Его признание не обрадовало Ханну, и она испугалась, что он все еще не простил ее за бесчувственность и за отнятое достоинство. Глубоко вздохнув, девушка подошла и встала рядом с ним. Ночная рубашка, найденная Докинсом, была помята. В сочетании с взъерошенными волосами и недавно побритым лицом она придавала Уильяму почти мальчишеский вид.

– Можно? – она жестом указала на лоб. Виконт кивнул и закрыл глаза, когда Ханна прижала пальцы к его лбу. Мгновение она держала руку и облегченно вздохнула, находя его кожу прохладной и сухой.

– Вы проголодались? – поинтересовалась она, и виконт открыл глаза.

– Прошу прощения?

– Вы проголодались, милорд? – повторила она, озадаченная его хриплым голосом. И вдруг до нее дошло. – Конечно, вам больно.

Ночь виконт провел без лекарств, потому что ее не было рядом. Она подошла к буфету и налила в стакан травяной эликсир Грейс, убедившись, что он содержит огромную дозу коры ивы.

– Почему вы не попросили Докинса разбудить меня? – сердилась она, оглядываясь через плечо. – Не было необходимости страдать. Я бы пришла в любое время ночи.

Вернувшись, она села рядом на кровать. Но стоило ей поднести стакан к его губам, виконт удивил ее, перехватив руку.

– Мне не больно, – успокоил он. – По крайней мере, терпимо.

– О, – Ханна нахмурилась. – Я подумала... просто мне показалось...

Ее взгляд опустился туда, где его пальцы обхватывали ее запястье. Большим пальцем он провел по чувствительной коже на внутренней стороне ее запястья. Живот Ханны свело незнакомым спазмом, и она задумалась о причине. Конечно, нет? Это не может быть желанием, не так ли?

Виконт крепче сжал ее запястье, и она посмотрела в его потемневшие глаза.

– Я все еще должен принимать это лекарство? – он наклонил голову к стакану, находящемуся между ними.

– Как *сами* решите, – ответила она, не узнавая свой голос.

– Но вы считаете, что нужно?

Стоило ей кивнуть, он обернул пальцы вокруг ее тонких пальчиков, держащих стакан, и выпил содержимое одним глотком. От неприятного вкуса по его телу пробежала дрожь. Ее тело тут же отреагировало ответной дрожью. Это было всего лишь сочувствие... не больше.

– Хотите, я узнаю, когда будет готов ваш завтрак? – пискнула она, когда он опустил стакан. Ее голос все еще звучал немного выше привычного, и от этого она чувствовала дискомфорт. Ханна сидела рядом в этой позе бесчисленное количество раз: кормила мужчину с ложки, держала за руку, вытирала лоб. Она даже помогала ему в самых интимных нуждах и ни разу не чувствовала себя так неловко, так остро не осознавала его мужественность. Это было тревожно и неуместно.

– Милорд? – снова обратилась она к нему.

Их взгляды не могли оторваться друг от друга, а пальцы все еще соприкасались на стакане.

– *Уильям?* – прошептала она, поднимаясь, стараясь расшевелить его, ведь он по-прежнему не отвечал.

Дважды моргнув, виконт отпустил ее руку.

– Завтрак. Да. Это было бы хорошо.

Ханна резко встала, извинилась и вышла из комнаты. Надежды девушки, что они с виконтом смогут возродить их детскую дружбу, были практически разрушены. Атмосфера между ними стала чрезвычайно... накаленной.

Уильям хорошо поел, его силы и бодрость значительно возросли со вчерашнего дня. Ханна совсем не была удивлена, когда он настоял, что будет кушать самостоятельно, используя здоровую руку. Иногда он позволял помочь себе, когда его вилка начинала дрожать.

– Насчет вашей стрижки, милорд... – начала Ханна, когда виконт отложил поднос в сторону.

Он поднял руку, заставляя девушку замолчать.

– Думаю, было бы разумнее, если бы вы организовали визит парикмахера из Торнтон.

– Разумнее? – переспросила она и через мгновение, не дождавшись ответа, добавила: – Хорошо. Если вы этого хотите. Сказать Докинсу, что вы желаете принять ванну, или предпочитаете отдохнуть?

– Сначала ванна, а потом я был бы признателен, если бы вы ввели меня в курс событий, происходящих в округе, и дали любую информацию, которую вы могли бы знать о поместье. Что-нибудь слышно о Кроули?

– Насколько мне известно, он не приезжал в поместье и не просил аудиенции. Могу передать, что вы желаете его видеть.

– Не беспокойтесь. Он не скоро появится.

Ханне не хотелось защищать скупого управляющего, но она была вынуждена доложить:

– Он был в отъезде, когда вы вернулись, но по возвращении послал за доктором Купером.

– Вероятно, в надежде, что старый пьяница прикончит меня.

Ханна заколебалась, и виконт поднял бровь.

– Вы думаете, что человек, который, как я подозреваю, лгал и обманывал меня почти десять лет, готов стоять на страже моих интересов?

– Скорее всего, нет, – она вздохнула. – Я думаю, нам повезло, что он не возвращался в Хартли так долго. Если бы за доктором Купером послали раньше, нам с Грейс трудно было бы противостоять его лечению.

Виконт, *Уильям* – по крайней мере, она могла называть его имя мысленно – поморщился.

– Не могу вспомнить, поблагодарил ли я вас за все, что вы сделали, мисс Фостер, – официально начал он, а потом улыбка изогнула его губы. – Вас и вашу подругу-колдунью с ее отвратительными зельями. В следующий раз, когда она придет, вам следует представить нас друг другу должным образом.

– Охотно. – Ханна улыбнулась тому, как он назвал ее подругу, зная, что это позабавит Грейс.

– Моя искренняя благодарность, – Уильям потянулся к руке Ханны, но остановился раньше, чем успел прикоснуться к ней. – Если бы я *был* отдан доктору Куперу, то сомневаюсь, что протянул бы так долго. Я обязан вам жизнью.

– Благодарю, – Ханна решительно расправила плечи. – Возможно, это было давно, но я не забыла о нашей дружбе и не собиралась сдаваться без боя.

– Дстойная восхищения победительница, – пробормотал Уильям и отвел взгляд.

Несмотря на то, что была практически изгнана, Ханна надеялась, что восстановила свои позиции. Задержавшись в дверях, она повторила:

– Я скажу Докинсу, что вы ожидаете его.

– Спасибо, мисс Фостер.

Она улыбнулась, его простому ответу. Конечно, им было бы легче взаимодействовать, если бы он продолжал помнить о манерах.

Несмотря на все благие намерения Уильяма, ему понадобился отдых после купания и переодевания.

«Как чертов ребенок во всех отношениях», – Докинс передал слова Уильяма Ханне.

Неожиданно получив свободное время, дочь викария отправила сообщение парикмахеру в Торнтон, затем написала письмо капралу Маркхему с просьбой прибыть к виконту. Позже она намеревалась добавить к записке любое дополнение, которое Уильям, возможно, пожелает, когда даст ей адрес. Обнаружив Наоми в роскошной гостиной, разговаривающей с потенциальными работниками, Ханна заинтересовалась, как обстоят дела в доме священника.

– Перестань беспокоиться, – раздражено отозвалась Наоми. – Дом еще не рухнул.

– Ни о чем подобном я и не думала. Просто...

– Ты беспокоишься о Рэйчел, – закончила за сестру Наоми.

– Она доставляла тебе неприятности?

– Не слишком много, – вздохнула Наоми. – Мистер Трубридж затих после возвращения виконта и отъезда мистера Кроули, так что у нас нет никаких проблем в этом отношении. Но если у Рэйчел вся голова забита книгами, то она только и говорит о своих невозможных фантазиях. О путешествиях в далекие экзотические страны. О приключениях и дерзких подвигах, доступных только джентльменам с необычайной выносливостью и, естественно, немалым состоянием. Как думаешь, кто-нибудь слышал о молодых леди, взбирающихся в гору или охотящихся на диких животных в Африке? А еще есть нелепая мечта, что существует рыцарь в сияющих доспехах, который в один прекрасный момент приедет в Хартли и спасет ее от этой суровой жизни, на которую она обречена жестокой судьбой.

Ханна усмехнулась, наблюдая за спектаклем Наоми, которая слишком точно изображала их любимую, но иногда излишне мелодраматичную сестру.

– Значит, все как обычно?

Наоми кивнула, и теперь настала очередь Ханны вздохнуть.

– Казалось правильным поощрять ее любовь к чтению, но вряд ли кто мог ожидать, что ее интерес к приключенческим историям будет иметь такое длительное воздействие. Надеюсь, она не натворила ничего слишком возмутительного?

– Ничего вне рамок приличия, – успокоила Наоми. – Хотя, возможно, ее могли заметить *верхом* на пони. Она говорила, что мальчишки Дженкинсы позволили ей прокатиться, и, кажется, не было никаких последствий.

Плечи Ханны поникли. Она так старалась подменить мать, воспитать из сестер почтенных барышень. Если долги их отца и отсутствие приданого и были недостаточным препятствием для поиска подходящих мужей, то странное поведение Рэйчел, похоже, делало все, чтобы ее обходили за милую. Рэйчел так опасно ходила по краю дозволенного, что ее репутация могла не выдержать и безнадежно пострадать, несмотря на ангельскую внешность девушки.

– Папа об этом знает? – испугалась Ханна.

Наоми весьма неделикатно пожала плечами – одно из многих ее грехопадений. Средняя сестра Ханны была такой же нонконформисткой, как и ее младшая сестра, но, по крайней мере, ее поступки были более корыстными. Будучи убежденной сторонницей действий лорда Уилберфорса, направленных на отмену рабства, проблемы Наоми, как правило, больше касались бедственного положения вдов и сирот, чем жажды приключений.

– Не волнуйся, – Наоми подошла и обняла сестру за талию. – Я поговорю с Рэйчел и постараюсь присматривать за ней еще лучше. Хотя, скажи мне, пожалуйста, ты собираешься возвращаться домой? Я начинаю беспокоиться, что виконт планирует запереть тебя в башне, когда поправится, и больше никогда не позволит тебе уйти.

– Наоми! Ты говоришь возмутительные вещи. С какой стати его светлости может это понадобиться?

– Может, для дружеского общения? Или ему нравится, как ты выглядишь? Возможно, он решил, что таким образом ты заплатишь за издевательства над ним, за его неожиданное выздоровление, тогда как он рассчитывал умереть? Откуда мне знать? Ты *единственная*, кто проводит с ним наедине сутки напролет.

– Я не издевалась над этим человеком, – Ханна сосредоточилась на одной фразе сестры, стараясь игнорировать остальные диковинные предположения Наоми. – Ну, не больше, чем требовалось.

Стараясь поменять тему, она начала расспрашивать, как обстоят дела с наймом работников в поместье, и в ответ получила подробный красочный отчет.

– Запрет в башне и никогда не позволит выбраться оттуда, – бормотала Ханна, поднимаясь по лестнице в большую хозяйскую спальню.

– Простите, мисс? Вы что-то сказали? – переспросила недавно принятая молодая горничная, присев в неуклюжем реверансе. В руках она держала высокую стопку сложенного постельного белья, которую следовало отнести в одну из гостевых комнат, на случай, если хозяин пожелает пригласить гостей. Однако Ханна считала это преждевременным.

– Просто размышляю вслух, Бесс, – отмахнулась она. – Вас ведь зовут *Бесс*?

Девушка кивнула, и ее щеки залило румянцем.

– Продолжайте работать.

Девушка замешкалась, и Ханна вопросительно наклонила голову.

– Я только хотела поблагодарить вас, мисс Фостер. Я получила работу, это очень поможет нам дома.

– Добро пожаловать. – Ханна знала о тяжелом положении их семьи. Отец Бесс был серьезно ранен, когда однажды его повозка перевернулась, а старший сын не вернулся с полей сражения во Франции. Мать почти все свободное время посвящала уходу за мужем, получая ничтожный доход от ремонта одежды, а второй сын, которому еще не было и четырнадцати, оказался единственным кормильцем в семье, долгие часы работая на шахте. Деньги, заработанные Бесс в поместье, действительно будут иметь огромное значение для них.

Бесс по-прежнему не уходила, и Ханна почувствовала, что девушка что-то еще хочет сказать.

– Что случилось?

Бросив осторожный взгляд по сторонам, горничная поклонилась еще ниже.

– Извините меня за то, что я спрашиваю, мисс, но хозяин... он *хороший* человек? Моя тетя работала у его отца и рассказывала ужасные истории. Она была очень расстроена, когда узнала, куда я иду работать, считая, что это небезопасно.

– Тебе не о чем беспокоиться, – заверила ее Ханна. – Этот лорд Блекторн настоящий джентльмен.

– Но разве он не покрыт ужасными шрамами и не выглядит диким? Люси подслушала на кухне, как миссис Поттс разговаривала с Тревором и...

– Достаточно, Бесс, – тон Ханны был тихим, но твердым. – Виконт был тяжело ранен на службе у короля и вполне понятно, что после изнурительной поездки он слегка растрепан. *Однако* по внешнему виду и манерам он вполне соответствует принятым нормам. Не нужно бояться, и я рассчитываю, что вы не будете пугать других девушек, распространяя сплетни.

– Да, мисс. – Бесс отвернулась и поспешила работать, оставив Ханну надеяться, что, благодаря ее спокойному тону и правильным словам, девушка преодолет страх.

Ханна нашла Уильяма одетым в чистую ночную сорочку со свободными рукавами, аккуратно причесанными и собранным в хвост волосами, отчего ее сердце сделало двойной кульбит. Она не могла удержаться от мыслей, что молодым служанкам нечего бояться, кроме как *влюбиться* в своего удивительно красивого нового хозяина.

– Вам лучше после отдыха? – поинтересовалась она, и ее улыбка пропала, когда она заметила хмурый взгляд.

– Мне было бы лучше, если бы эта проклятая рука перестала чесаться, – виконт драл ногтями здоровой руки повязку так, словно хотел оторвать ее.

– Похоже, швы тянут, – Ханна подошла к кровати, стянула свободную рубашку с плеча виконта и принялась разматывать повязку.

Уильям поморщился.

– Как я снова смогу пользоваться этой рукой, если едва могу выдержать малейшее прикосновение?

– Всеу свое время, милорд. Несколько дней назад вы были при смерти, вам следует проявить терпение. Подозреваю, что на некоторое время вы уже исчерпали свою долю чудес.

– Вы считаете, что со мной произошло чудо?

– А как еще вы объясните свое выздоровление? Умения Грейс, конечно, впечатляют, но они распространяются только на приведение раны в порядок. И конечно, не было недостатка в молитвах, посланных от вашего имени.

Уильям хмыкнул, и Ханна замолчала, вытирая оставшуюся на его руке мазь.

– Эти нити нужно убрать, – дочь викария подняла глаза и встретилась взглядом с виконтом. – Но сегодня утром Грейс прислала записку, что не сможет прибыть еще день или два. Боюсь, что в деревне снова произошел пожар. Жильцы дома сильно обгорели.

– Очень грустно это слышать, – Уильям нахмурился, но затем его взгляд стал умоляющим. – Вы можете удалить их?

– Полагаю, что могу, но раньше я только наблюдала за этой процедурой.

– Я доверяю вам.

Глаза Ханны расширились, а губы изогнула довольная улыбка.

– Что ж, хорошо, сейчас, когда рана почти исцелилась, вы почувствуете себя намного лучше, если стежки не будут тянуть кожу. Мои швейные ножнички помогут нам, – она указала на стол, где лежали ее швейные принадлежности. – Я спущусь на кухню и обработаю их кипятком.

– Это действительно необходимо? – Уильям поднял брови.

– Грейс считает, что так правильно, и я ей доверяю.

Ханна вернулась так быстро, как только могла, и сразу приступила к работе. Уильям поморщился, но промолчал. Приятно было осознавать, что он способен воздержаться от оскорбительных высказываний, если это требуется; не то чтобы она плохо подумала о нем, если бы он вдруг выругался. Удаление стежков было нелегким делом, приходилось выдергивать каждый свободный конец нитки из кожи, применяя силу. Бедняга дрожал, когда она закончила.

– Лучше?

Он пожал плечами, осматривая ужасную рану, обезображивавшую всю верхнюю часть левой руки.

– Мне нужно было позволить ампутировать ее. Вряд ли я смогу когда-нибудь полноценно пользоваться этой проклятой... *защитанной*, – он бросил на Ханну извиняющийся за очередное ругательство взгляд, – уродливой штукой.

– Все не так уж и плохо, – Ханна пыталась говорить обнадеживающе, но со стороны травма действительно смотрелась страшно. – Некрасивый цвет сойдет, и рана не будет выглядеть так устрашающе. В общественных местах все будет закрыто рубашкой и жакетом, а по ночам сорочкой.

– Хорошо, что у меня никогда не будет жены, которая упадет в обморок при виде моей руки.

– Определенно. – Будучи тронутый несчастьем виконта, Ханна все же отказывалась потакать его склонности жалеть себя, прекрасно осознавая, насколько это может быть разрушительно. – Хотя, считаю, вы недооцениваете стойкость представительниц прекрасного пола, милорд. Ведь именно им нужно выдерживать суровые роды... ну, тем, кто благословлен такой возможностью. Не думаю, что лицезрение шрама вызвало бы большие страдания по сравнению с деторождением.

– Хорошо сказано, мисс Фостер, – пробормотал Уильям. – Мы отличная пара, не так ли?

От сострадания, отразившегося в его взгляде, у Ханны неожиданно начало покалывать веки, угрожая появлением слез.

Ханна порывисто кивнула. Она не хотела *его* жалости, и под видом необходимости избавиться от грязной повязки поспешила сбежать из комнаты.

Глава 11

Достойный

Уильям с нетерпением ждал возвращения Ханны. Она была первой и единственной женщиной, о которой он не переставал думать. Виконт не прекращал наслаждаться каждым моментом их совместно проведенного времени, которое с каждой секундой становилось все печальнее от неизбежности завершения. Он был таким дураком. Его будущее казалось достаточно мрачным, и любви места в нем не отводилось. Призывая в свой разум здравый смысл, Уильям *пытался* оградить сердце от еще больших страданий. Несложно было догадаться, что лучшей защитой стала бы какая-нибудь найденная цель существования, она-то и заполнила бы его дни смыслом.

В первую очередь в его планах стояло выздоровление – это займет столько времени, сколько понадобится изувеченному телу, – затем восстановление вопросов наследства. До тех пор пока он не сблизился с Ханной, как Уильям убеждал себя, не было никакой опасности в принятии заботы от нее. Она явно была разумной женщиной, уважаемой в обществе, по крайней мере, так сказал ему Докинс, и наверняка знала, как помочь в достижении его планов.

Уильям фыркнул. Благородно было бы отослать ее, но он продолжал искать оправдания для удержания Ханны подле себя. В подтверждение его глупости, глаза виконта загорелись, стоило девушке войти в комнату.

– О, – заметила она поднос с обедом на кровати рядом с ним, – вы уже поели.

– Да, не хотелось вас беспокоить.

Выражение ее лица заставило Уильяма подумать, что она осталась недовольна его ответом. Отсутствие опыта общения со слабым полом почему-то заставляло его чувствовать себя неуверенно.

– Мне удалось покормить себя без посторонней помощи, – добавил он, поморщившись.

Виконт был похож на ребенка, хвастающегося перед няней своими успехами.

Губы Ханны изогнулись в ухмылке, и Уильям проглотил неприличные слова, которые чуть не сорвались с языка. По крайней мере, он заставил ее улыбнуться.

Ханне очень шла прическа, когда она оставляла длинные вьющиеся локоны обрамлять лицо. На ней было его любимое платье – голубое – с заманчивым низко вырезанным лифом. Для скромности она надела кружевную косынку, но сквозь нее можно было заметить проблеск ложбинки между грудей... если присмотреться.

Чтобы отвлечься, Уильям принялся расспрашивать девушку о нуждах местных жителей и поинтересовался, решение каких вопросов она считает приоритетным. Вскоре начала вырисовываться невеселая картина, складывающаяся в округе, страдающем от нищеты и безработицы. Большая часть сельхозугодий не возделывалась и стала дикой, те же жители, кто были обеспечены работой, в основном находились в шахтах. В тоне Ханны не было никакого осуждения, но он почувствовал недоумение от своего невежества.

– Что вы имели в виду, говоря об очередном пожаре в деревне? – удивился он, вспоминая их недавний разговор. – Я так понимаю, были *еще* пожары?

– Боюсь, что их было много. – От ее слов его бросило в жар. – Дома очень ветхие. Крыши протекают, трубы забиты и разрушаются. В этом и заключается опасность.

Уильям покачал головой, отчего шнурок, которым Докинс связал его волосы, слетел, и кудри рассыпались по плечам.

– Каждый пенни, заработанный на арендной плате, я распорядился направлять на мелкий ремонт домов, не говоря уж о больших суммах, выделяемых на капитальные ремонты в случае необходимости. По моим расчетам, этот округ должен был стать самым ухоженным в Англии.

– Похоже, мистеру Кроули есть за что ответить.

– Как и мне, – вздохнул Уильям.

– Почему вы лично не отслеживали или не отправляли доверенное лицо, чтобы убедиться, что ваша воля исполняется?

Вопрос Ханны был совершенно разумным, но виконт старался продолжать звучать уверенно.

– Потому что я поклялся никогда сюда больше не возвращаться. Легче было подписывать любые запросы, направленные мне Кроули, досконально не изучая их. Я *думал*, что был честен, заботясь о людях, которые плохо обращались со мной, когда я был мальчиком. Я старался делать для них добро вместо того, чтобы платить им той же монетой. – Ханна поморщилась, и он быстро добавил: – Но не все, конечно, плохо относились ко мне. Я старался, чтобы работники поместья ни в чем не знали нужды и ваша семья тоже. Или я верил, что старался.

Ханна повернулась лицом к окну, и виконт заподозрил, что она изо всех сил старается не заплакать. Он мог только догадываться, какие тяготы пришлось перенести этой семье благодаря Кроули. Инстинкты Уильяма подсказывали не доверять этому человеку, но он продолжительное время игнорировал их. Если бы не перспектива неминуемой смерти, он никогда не вернулся бы в имение, никогда не узнал бы о страданиях людей, о которых он заботился от *своего* имени.

Желая дать возможность Ханне прийти в себя после разговора, Уильям потянулся за колокольчиком рядом с кроватью и почувствовал удовлетворение, когда в комнату немедленно вошел лакей.

– Чай, пожалуйста, на двоих и легкую закуску, – попросил он, не зная, обедала ли Ханна.

– Да, милорд. – Лакей поклонился и повернулся выйти.

– Обождите, – окликнул его Уильям, не видевший пока ни одного нанятого работника, кроме Докинса. – Ваше имя?

– Колин Браун, сэр. Мой отец работал садовником у вашего отца и деда.

– Добро пожаловать в поместье Блекторн, мистер Браун, – Уильям помнил садовника, но не знал его имени. – С вашим отцом все в порядке?

– Он умер несколько лет назад, милорд. При взрыве в шахте. – Выражение лица лакея не изменилось, но он отвел взгляд, смотря через плечо Уильяма.

– Мне жаль это слышать, – посочувствовал виконт. – Можете идти. – Когда дверь закрылась, он повернул голову к Ханне, наблюдающей за ним. – Одна из шахт Блекторнов?

Она кивнула, и он медленно выдохнул.

– Сколько их там?

– Я знаю только семь. Они самые крупные работодатели в округе, но платят мало и совсем не заботятся о безопасности. Вы не знали об этом?

Уильям покачал головой.

– Должно быть, Кроули подделывал подпись, чтобы получить разрешение от моего имени. Пожалуйста, скажи, что они не нанимают детей?

Болезненное выражение лица девушки дало ответ, и виконт уронил голову на подушку. Очень сильным было искушение попросить у Ханны снотворного, чтобы исчезнуть в забвении. Он сопротивлялся, но ему приходилось лицом к лицу встречаться со своими обязанностями.

Ханна вернулась в кресло возле кровати.

– Я знаю, что это не мое дело, – начала она, – но мне интересно, как все эти годы вы управляли своими делами, не получая никакого дохода от недвижимости? Очевидно, вы не должны отвечать мне...

– Все в порядке. Я не против рассказать вам, – вздохнул виконт, решив хоть как-то защитить свою честь. – Что вы знаете об истории моей семьи?

– Только то, что известно всем.

Хоть она и не уточнила, Уильям предположил, что Ханна имела в виду проклятие Блекторнов.

– Первый виконт Блекторн, мой трехкратный прадед, получил титул и имущество за заслуги перед короной. За высокую цену, разумеется, – он поморщился. – Джереми Блекторн был очень успешным дельцом.

– Он торговал?

– В больших масштабах, – усмехнулся Уильям.

В то время как реакция Ханны выражалась в изумлении, а не презрении, Уильям осознал, сколько отвращения и неприязни вылилось на их родословную от тех, кто был вынужден тяжелым трудом зарабатывать скудные гроши. Многие *благородные* семьи имели схожие с Блекторнами истории, те, кто поднимались и завоевывали все вокруг силой.

– Что он делал? – просила продолжить она.

– Он торговал человеческими мучениями и страданиями.

В ответ на ее озадаченный взгляд Уильям, поморщившись, пояснил:

– Он был работоторговцем. Захватывал мужчин, женщин и детей самыми немыслимыми жестокими способами, забирал их из домов в Африке и привозил на кораблях в Америку, чтобы продать... тех, кто пережил путешествие. Он использовал их, чтобы выстроить настоящую империю, постепенно наживая баснословное состояние. Новый титул придавал Блекторну вес, которого он добивался, жаждал, но это не изменяло того факта, что он был жестоким убийцей, извлекающим выгоду из чужих страданий. Его сыновья и внуки пошли по тому же пути.

– Ходят слухи, что проклятие Блекторнов возникло в Африке, но я всегда думала, что это обычное суеверие, догадки, – вставила Ханна.

– В этом есть истина, – Уильям тяжело вздохнул. – Первый виконт передал историю происхождения проклятия своему сыну, его сын – своему, и так далее в надежде, что один из нас найдет способ победить его. Ну, я так полагаю. Не исключено, что история передавалась от отцов сыновьям в качестве семейного наказания.

– Вы верите, что африканский колдун наложил проклятие на вашу семью?

– Конечно, мой отец так говорил.

– Полагаю, именно поэтому он встречался с практиками оккультизма, пытаясь разрушить эту ужасную вещь.

Уильям взмахнул здоровой рукой.

– Проклятие *не может* быть разрушено, но оно больше не будет иметь никаких последствий.

Ханна нахмурилась:

– Что вы имеете в виду?

– Я намерен стать последним в нашем роду. Мой отец, его отец и все вплоть до первого виконта Блекторна были жестокими людьми с ужасными характерами. Пьяницы. Игроки. Убийцы. Блекторны не заслуживают продолжения их рода.

– Но вы не такой, как они. Вы другой.

– Неужели? – Уильям, тронутый ее защитой, медленно покачал головой. – Единственное место, где я когда-либо чувствовал себя, как дома, было в армии, в кровопролитных боях.

– Но вы достойно сражались *за справедливость*, – поспорила Ханна.

После всего, что он видел и делал на поле боя, Уильям сомневался в добродетели своих поступков, а так же не был уверен, что есть такое понятие как «справедливая война».

Ханна потянулась, чтобы взять виконта за руку. Ему следовало оттолкнуть ее, но он бесстыдно наслаждался прикосновением, чувствуя успокоение от этого. После долгого молчания Ханна, наконец, заговорила:

– Значит, вы живете за счет доходов, полученных от ваших рабов?

Уильям не винил ее за такие предположения, но ему как можно быстрее хотелось противостать обвинению, сказать правду, и от этого его голос звучал жестче, чем ему хотелось.

– Я ненавижу саму мысль об этом и отказался от подобной практики.

Это не должно было иметь значения, но он не хотел, чтобы Ханна так плохо думала о нем.

Ее глаза загорелись: – Вы освободили их?

– Я пытался. – Ему не нравилось разочаровывать девушку. – По достижении совершеннолетия я был полон решимости освободить всех до последнего. Но их тысячи, и все было не так просто, как я надеялся.

– Тысячи, – прошептала она. – Почему вы не смогли освободить их? Если *вы* владеете бедными людьми, то, несомненно, в ваших силах отпустить их?

– К сожалению, во многих областях, где они проживают, мои действия могли спровоцировать политические волнения и угрозу репрессий. Я бы поставил их жизни под угрозу. Я освободил столько людей, сколько сумел, позволив им храбрым, но отчаявшимся рискнуть вернуться домой в Африку. Тех, кто решил остаться рядом со мной, я вновь принял на работу на их прежние места или какие-нибудь другие, более подходящие, назначив справедливую оплату. Будь то раб или свободный человек, я настаивал на улучшении условий жизни и работы для всех рабочих и воссоединении семей, где это возможно.

Ханна задумчиво кивнула.

– Вы сделали все, что могли, и заплатили за эту немалую цену, полагаю.

– Все говорили, что я сумасшедший, что скоро уничтожу свое состояние, – Уильям пожал плечами. Поскольку он никогда не собирался покинуть армию, то эти предупреждения не вызывали у него особого беспокойства. – Некоторые предприятия боролись за то, чтобы оставаться конкурентоспособными, особенно поначалу. Но удивительно, чего можно достичь, если не выжимать каждую унцию прибыли с плантации, фабрики и шахты. Несмотря на многочисленные плачевные прогнозы, мои дела процветали. Большая часть доходов переходила в жалованье, часть финансировала кампанию Уилберфорса, направленную на полную отмену рабства навсегда, но значительная сумма оставалась в резерве.

Уильям не прикасался ни к единому пенни дохода, к средствам, которые продолжали множиться, несмотря на его незаинтересованность. Очевидно, сейчас все должно было измениться, когда он занялся восстановлением поместья Блекторн. Его пренебрежение делами могло дать знать о себе.

Ханна некоторое время смотрела на него, нахмутив брови, словно обдумывая его откровения.

– Ваше решение исправить ошибки предков принесет божье благословение на все ваши начинания.

– Что? Нет! – Уильям чуть наклонился вперед. – *Мои* предки несут ответственность за многие поколения боли. Я никогда не смогу искупить того, что было сделано.

– Но разве не этим вы занимаетесь? Меняете жизнь людей, за которых в ответе, поддерживаете дело, которое может изменить судьбы бесчисленного количества других? Если это не возмещение за поступки ваших предков, тогда я не знаю, что это.

– Но *мне* это ничего не стоило, – он ударил здоровой рукой по груди. – Я просто запустил колесо, а потом отправился заниматься тем, чего мне самому больше всего хотелось, завербовавшись в армию офицером.

Лицо девушки выразило сомнение: – Только не говорите мне, что *не проверяли*, выполняются ли ваши приказы?

– Проверял... часто, – ответил он до того, как горько повесил голову. – Жаль, что я не был так усерден в надзоре за делами дома.

Ханна сжала руку виконта.

– Сейчас вы здесь. И еще не поздно загладить свою вину. Предполагаю, теперь ваша цель – узнать состояние дел в округе, попытаться исправить нанесенный ущерб?

Глядя на ее одухотворенное выражение лица, на их переплетенные руки, Уильям размышлял над ответом. Он не мог загладить вину, изменить прошлого, но мог сделать все самое лучшее для людей, живущих здесь и сейчас, для Ханны и ее семьи и обеспечить, как он надеялся, гарантии на будущее.

– Безусловно, это и есть мое намерение, – пообещал он с чувством.

Ее улыбка была наградой, которую он не заслуживал, но, тем не менее, наслаждался.

Глава 12

Угроза репутации

Уход за Уильямом напоминал Ханне тот единственный случай, когда ее пригласили на охоту. В один момент она наслаждалась острыми ощущениями от быстрого движения по гладкой равнине вслед за стаей гончих и грохотом копыт, эхом отдающимся в ушах, а в следующий... Она летела над дамским седлом, практически не касаясь его. В дамском седле Ханна сидела всего второй раз в жизни. Неудивительно, что она оказалась в ручье и нуждалась в спасении. Сложно сказать, что воспоминание было приятным, хотя, безусловно, захватывающим. Время, проведенное с Уильямом, так же можно было описать взлетами и падениями из-за перепадов его настроения, колеблющегося, как фонарь на корабле во время шторма.

Хоть она и понимала, почему Уильям настаивал на помощи Докинса в его личных потребностях, не было никакого оправдания возвращению к использованию им бранных слов. К сожалению, его язык «перебрал все цвета радуги», когда она предложила продемонстрировать правильный способ втирания заживляющей мази в его раненое бедро

– Мне жаль, если вы чувствуете, что ваше достоинство попрано, милорд, но кажется, вы создаете слишком много шума. Я выполняла эту процедуру дважды в день на протяжении *десяти* суток, пока вы были без сознания. – Напоминание о том времени и ее действиях вызвало особенно пикантное проклятие, отчего Ханна пришла в еще большее раздражение. – Вы сами говорили, что сейчас нога более подвижна, чем до вашего возвращения. Лечение должно проводиться правильным способом, чтобы обеспечить максимальную пользу. Докинсу нужно показать это.

– Мисс Фостер права, милорд, – согласился камердинер. – Поскольку у меня не хватает нескольких пальцев, ее демонстрация придется очень кстати.

– Мисс Фостер может показать, как втирать мазь, на ком-нибудь другом.

– Очень хорошо. – Ханна перевела взгляд на единственно возможную кандидатуру. – Докинс, снимай штаны.

– Докинс, ты не посмеешь сделать этого! – зарычал Уильям.

Ханна положила руки на бедра.

– Мне нужно на *ком-то* показать, милорд.

– Не на моем камердинере, – пробормотал он, откинув одеяло со своей правой ноги и перетащив подушку на пах. – Проклятая женщина.

Ханна закатила глаза. Она совершенно не собиралась приближаться к его личному достоинству. Скромность этого человека доходила до абсурда.

Досада на чрезмерную реакцию Уильяма прошла, как только она обнаружила, что втирание мази в бедро виконта, когда он в сознании, в корне отличается от тех же действий, когда он без чувств. Остро осознавая его теплую обнаженную плоть под пальцами, она ощутила себя совершенно непохожей на ту привычно уверенную в себе особу. К большому смущению ее голос начал дрожать, когда она попросила Докинса делать то же самое самостоятельно. Извиняясь, Ханна боролась с желанием выбежать из комнаты.

К счастью, Уильям также мог находиться и в благоприятном настроении. Поделившись своей необыкновенной историей, он очень хотел, чтобы Ханна приняла участие в решении вопросов, касающихся поместья и округа. Уважение, которое он проявлял к ее мнению, было приятным, и она наслаждалась своей новой ролью – временного личного секретаря. Когда у пациента наступал период отдыха, чему он очень сопротивлялся, Ханна занимала свое время составлением списков, сочинением писем банкирам, юристам, нынешним и отставным офицерским друзьям Уильяма и различным торговцам. Виконт настаивал, чтобы Ханна отправила

записки некоторым конкретным лицам с просьбой о немедленной встрече, что положило конец их перемирию.

– Еще слишком рано, – она бросила на Уильяма осуждающий взгляд. – Если вы переутомитесь, то нанесете себе вред.

– Мне нужно побеседовать с властями, и чем скорее я найму нового управляющего недвижимостью, кому буду *доверять*, тем скорее смогу все исправить.

– Замечательные усилия, милорд, но проблемы существуют уже много лет. И они не будут исправлены в одночасье.

– Еще больше причин прекратить тратить время, – настаивал он, а потом выражение его лица стало умоляющим. – Мне нужна ваша помощь, мисс Фостер. Докинсу трудно писать, и я сомневаюсь, что у кого-то из вновь принятых лакеев и служанок подходящий почерк.

– Ну, хорошо, – согласилась она, покачав головой. – Но, по крайней мере, позвольте мне, мистеру и миссис Поттс провести предварительную беседу.

Он уступил, и чете Поттс пришлось нести большую часть бремени, когда дело дошло до объяснения чиновнику из Торнтона ситуации, сложившейся за прошедшее десятилетие. Мужчина долго с подозрением слушал историю, но был бессилён предпринять что-либо, поскольку предполагал, что нынешний виконт Блекторн был участником подсудного процесса.

– Я могу предложить вам, милорд, оставить пока все как есть? – уточнил чиновник во время обсуждения проблемы с незаконно работающими шахтами, разрешение и подписи на которые были подделаны. – Я рад слышать, что вы планируете решить вопрос отсутствия безопасности, но вы можете причинить много вреда, если просто остановите их.

Уильям поморщился и неохотно кивнул.

– Мне понадобятся рабочие, чтобы фермы снова заработали, и пора начать ремонт заброшенных домов и других строений. Как только у меня появится новый управляющий, я попрошу его сообщить шахтерам, что желающие поменять место работы на сельское хозяйство или строительство могут это сделать. Потребуется время, чтобы понять, можно ли сделать шахты более безопасными, но я по возможности не буду продолжать удерживать их в рабочем состоянии.

Выражение лица чиновника стало задумчивым.

– Могу я распространить информацию о ваших намерениях? В округе существует большая неопределенность из-за вашего неожиданного возвращения и исчезновения Кроули. Этой новости предстоит проделать немалый путь, чтобы развеять страхи рабочих.

– Делайте, что считаете нужным.

– Благодарю вас, милорд. Вашему возвращению домой, действительно, можно только порадоваться.

Чиновник поклонился и вышел, оставив Ханну наедине с Уильямом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.